

3/74

ПОВЕСНИК

© «Ровесник», 1974 г.

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ
С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

На первой странице обложки: Италия, Турин. Здесь 18 ноября 1973 года состоялась конференция солидарности с Чили посланцев молодежи 26 стран Европы. Фото Карла Хайнца Эккебрехта («НБИ», ГДР).

2. СМОТРИТЕ!
4. Ю. Лексин. ...ЛУЧШЕ Я НЕ УСЛЫШУ «AVE MARIA»
7. И. Горелов. САМАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПРОБЛЕМА
9. В. Дубинский. КОЛЛЕГИ
12. Дик Барбэр-Майт. СВИДЕТЕЛЬ НА СТАДИОНЕ
15. Сергей Кулик. КООПЕРАТИВ ПЛЕМЕНИ НДЖЕМПС
16. Бернд Розема. «ДЕРЗАЙ БЫТЬ ВЕЛИКИМ!»
19. Леонид Переверзев. «Я И ДЖАЗ РОДИЛИСЬ ВМЕСТЕ»
22. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
24. Н. Дуткин. УРОКИ ДЛЯ НЕВЕСТ

Март, 1974 год

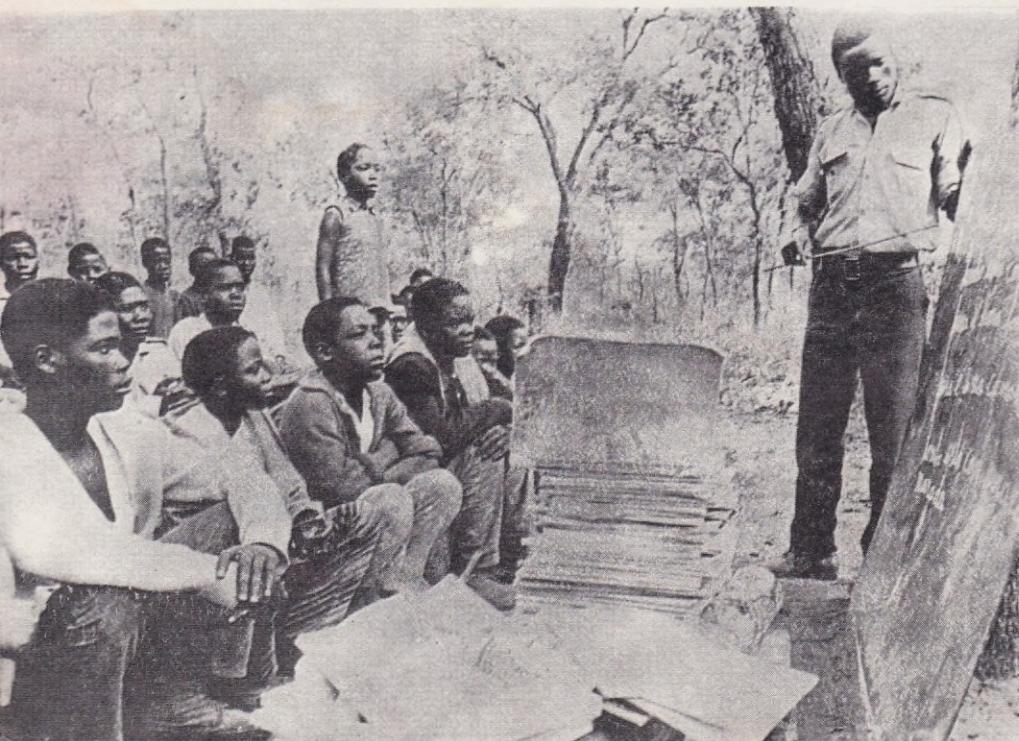
N3

ДАМАСК. Здесь опубликовано совместное коммюнике Национального союза студентов САР и делегации МСС, которая посетила Сирию.

В коммюнике отмечалось, что обе стороны решительно осуждают израильскую агрессию против арабского народа и заявляют о своей поддержке законной и справедливой борьбы арабов за освобождение оккупированных Израилем арабских земель, восстановление законных прав палестинского народа и за справедливый и прочный мир на Ближнем Востоке. В документе подчеркивается жизненная важность для арабского национально-освободительного движения поддержки стран социалистического содружества во главе с Советским Союзом и солидарности всех прогрессивных сил.

МОЗАМБИК. В освобожденных от португальских колонизаторов районах Мозамбика, составляющих четвертую часть территории страны с населением свыше миллиона человек, закладываются основы новой жизни. Среди первоочередных задач, которые предстоит решить патриотам, — ликвидация неграмотности, строительство школ.

На снимке: рядом с детьми на школьной скамье сидят молодые бойцы ФРЕЛИМО.

БУЭНОС-АЙРЕС. Здесь состоялся международный студенческий семинар, на котором был рассмотрен широкий круг проблем, связанных с участием студенчества в борьбе за национальное освобождение.

Участники семинара наметили план активных действий в поддержку борьбы молодых патриотов Чили против военно-фашистской хунты.

БЕРЛИН. В этом году 12 молодых альпинистов из ГДР приедут в Советский Союз для восхождения на самые высокие точки Юго-Западного Памира — пики Маркса (6726 м) и Энгельса (6510 м).

В прошлом году молодежь ГДР широко отмечала 155-летие со дня рождения Карла Маркса. Уже началась подготовка к 155-летнему юбилею Фридриха Энгельса, который будет отмечаться в ноябре 1974 года. Восхождение на Памир посвящено этим двум знаменательным датам. Это не первая «политическая альпиниада» спортсменов из ГДР. В 1972 году они в составе международной группы из восьми социалистических стран приняли участие в восхождении на пик Коммунизма (7495 м), посвященном 50-летию образования СССР.

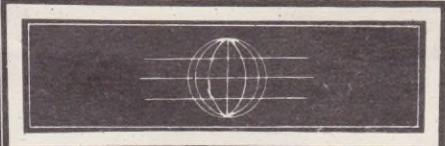
На снимке: альпинисты из ГДР на Памире.

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

**НА ВСТРЕЧУ
XVII СЪЕЗДУ ВЛКСМ
—день молодежи
на Всемирном конгрессе
миролюбивых сил;
—Сесилия Доминго:
«Ваш человек действительно
новый»;
—Рудольф Бем: «Я — старожил
Новополоцка».**

**Всемирный
Молодежный
телеграф**

МОСКВА. В редакции газеты «Комсомольская правда» состоялась пресс-конференция для журналистов молодежной печати председателя Центрального правления Союза социалистической молодежи Чехословакии Ю. Варголика, который рассказал о деятельности ССМ.

— В союзе сейчас более миллиона юношей и девушек, — сообщил Ю. Варголик. — Из них три четверти трудятся на заводах и фабриках. Основной принцип ССМ — использование революционного опыта старшего поколения в выполнении задач, поставленных перед страной XIV съездом КПЧ. А это значит, что наша молодежь должна внести свой весомый вклад в строительство социализма в Чехословакии, укрепление мира и взаимопонимания между народами. У ССМ хорошие связи с братскими союзами молодежи, особенно с Ленинским комсомолом, чью помощь и поддержку мы очень высоко ценим.

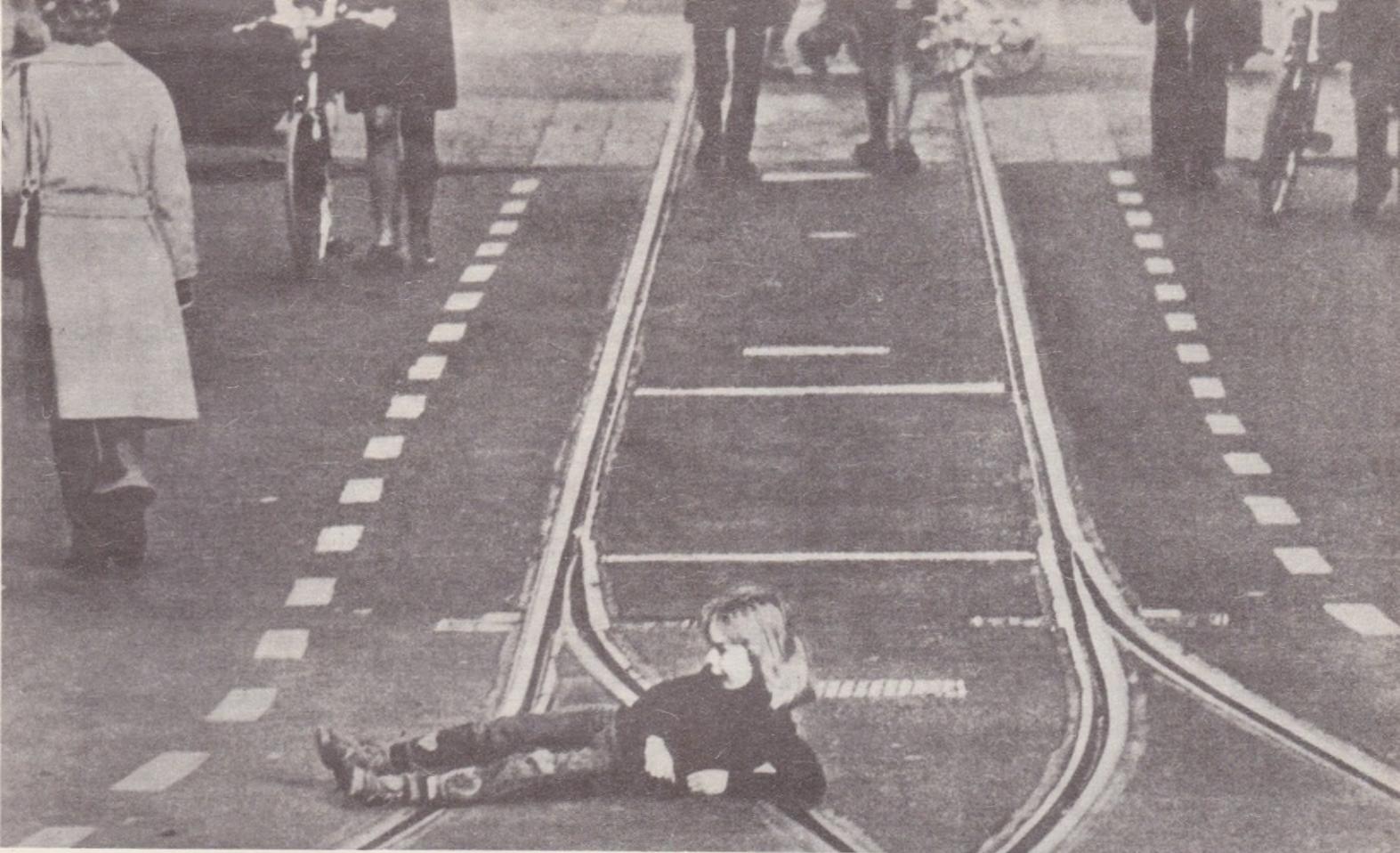
НИКОЗИЯ. По призыву Комитета за восстановление демократии в Греции Единой демократической организации молодежи Кипра (ЭДОН), Единого демократического союза молодежи (ЭДЭН), Всекипрской федерации студентов и молодых ученых (ПОФНЭ), Всекипрской рабочей федерации (ПЭО) в Никозии состоялась массовая демонстрация солидарности с греческим народом и молодежью, отстаивающими свои права. Демонстранты прошли по улицам столицы с лозунгами: «Молодежь Кипра солидарна с греческой молодежью», «Народ Греции не сломить».

МЮНХЕН. Два дня пустовала школа в баварском местечке Тегернзее. Ученики объявили забастовку и вышли на демонстрацию, требуя от властей построить новое здание школы. Дом, в котором они вынуждены заниматься, был когда-то... монастырем. Детям тесно и темно в классах — ведь каждая келья рассчитана на одного монаха, а не на двадцать два ребенка. Школьное начальство год за годом обивало административные пороги, доказывая необходимость постройки нового здания. Но все тщетно, хотя аргументы приводились самые что ни на есть «убийственные» — уже не раз обваливались растрескавшиеся потолки и стены, и лишь по чистой случайности пока обходилось без жертв. Только после забастовки юных обитателей монастыря министерство финансов Баварии пообещало выделить средства либо на строительство новой школы, либо на реконструкцию монастырского здания.

На снимке: Сеул — полиция против студентов.

Смотрите!

Воскресенье, 10 утра. Пустынная, уходящая за горизонт лента автострады. Ни одной машины. Еще полгода назад за такой снимок, пишет редактор западного журнала, поместившего фото на своих страницах, репортер получил бы премию за фантастический кадр. Сегодня это обычная картина. Во многих странах Европы бензин rationирован, запрещена езда по воскресеньям. Из сараев выкатили дедушкины телеги и фуры...

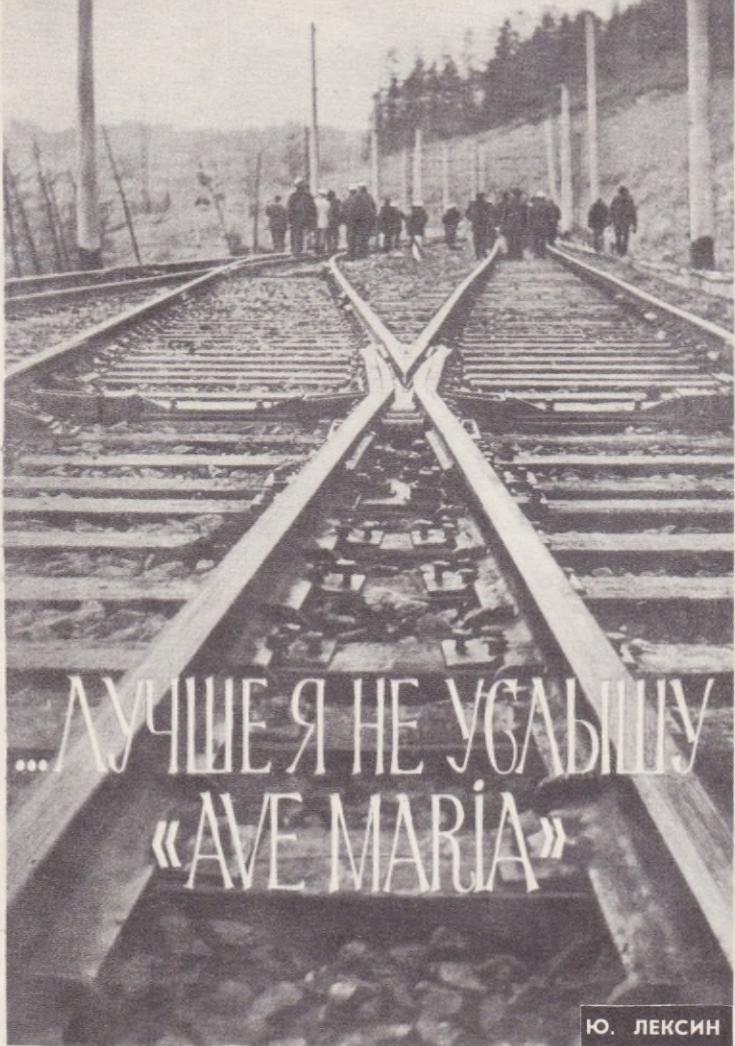
«Европа, подобно «Титанику», на полном ходу налетела на айсберг, имя которому — «нефтяной кризис». В таких выражениях комментируют создавшуюся ситуацию обозреватели.

На протяжении десятилетий нефтяные монополии Соединенных Штатов и Западной Европы выкачивали нефть из недр так называемого «третьего мира» — стран Азии, Африки и Латинской Америки. Это была неприкрыта безудержная эксплуатация природных богатств и людского труда. Норма прибыли в ряде районов Ближнего Востока доходила до 500 процентов. Иными словами, на 1 вложенный доллар нефтяные монополии получали 5. Дополнительная деталь: они выплачивали в виде налогов своим правительствам больше денег, чем законным владельцам нефтяных недр.

Сейчас этому положению пришел конец. Повышение цен на сырую нефть — мера законной самозащиты со стороны нефтедобывающих стран.

Что же касается монополий, то под прикрытием шумовой завесы «нефтяного кризиса» виден расчет: переложить повышение цен на плечи рядовых граждан, оставив свои прибыли в неприкосновенности...

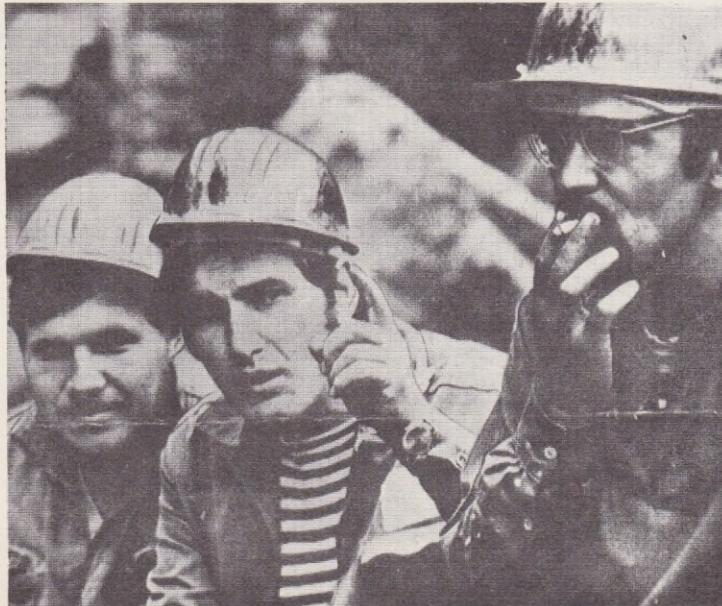
Ю. ЛЕКСИН

Песни Шуберта передавали в субботу по первой программе. Это было в одиннадцать часов, когда студенты Университета дружбы народов, подгоняемые морозом, вбегали в двери своих общежитий и замирали, ошеломленные, пытаясь сообразить, так же ли здесь холодно, как и на улице, или теплее.

Включившись в их ритм, я тоже вбежал вслед за маленькой негритянкой; улыбнулся ей, потому что она улыбнулась мне. «Маро-о-ос!» — вскрикнула она восхищенно, и посиневшие большие губы вздрогнули еще раз.

Я огляделся. Ее не было.

Мы договорились, что она встретит меня здесь, внизу, а

потом мы поднимемся в ее комнату, на восьмой этаж. Я стал вспоминать, какая она, потому что не был уверен, узнаю ли. «Аргентинка. Лет двадцати пяти... На носу довольно большой, но малозаметный шрам, виден, если глядеть сбоку. На правой руке кольцо: тонкое и какое-то слишком немодное — тусклое...» Нет, мне не узнать ее. Лучше подняться.

Сесилия Доминго впустила меня и, извинившись («Сейчас поставлю чай»), села до читывать письмо («От мамы, только пришло»). По радио играли Шуберта, Сесилия улыбалась, и мне сразу пришла в голову эта просьба: может, она прочтет что-нибудь из письма?

— Нет, нет! — замахала она руками. — Тут, как это вы говорите... А-а, вспомнила! Пусть-ки!

— Какие же?

— О-о! Это очень большие пустяки! Кто поженился, у кого родились дети. И какие они красивые... Разве бывают некрасивые дети?

Она не ждала ответа, была уверена: таких не бывает.

— Вот тут, — она заставила меня заглянуть в письмо. — Мама беспокоится, что я похудела... Могу я ее успокоить? Правда?

Это была чистая правда. Наверное. Но я опять не успел ответить, а запоздалые ответы Сесилию не интересовали, она успевала прочитывать их на моем лице.

— Вот. Это вам будет интересней.

Лицо Сесилии, умудрившись не потерять веселости, сделались вдруг серьезным. «Ты возвращаешься очень удачно, — читала она. — У нас большие изменения. У нас уже не говорят только об одном: перонисты или не перонисты. Теперь уже говорят, что бороться надо всем вместе — и за лучшее будущее... Но ты только не думай, что у нас сейчас стало так уж прекрасно. Прекрасно было в Чили, было до этого несчастья. Так говорят все твои друзья, они уже вернулись оттуда. Даже дети их говорят, что там было много счастья и радости. И тебе уже нельзя туда ехать.

Сесилия подняла взгляд.

— Я собиралась ехать работать в Чили. У нас не признавали советские дипломы. Сейчас признают.

«Ты не волнуйся, дочь, — читала она. — Здоровье у меня прекрасное. Я не сижу сложа руки, и всегда у меня есть что делать».

Глаза Сесилии мгновенно расширились и перестали видеть.

— Это не надо... Это она уверяет меня, что не сидит и не плачет целыми днями. Папа недавно умер... рак.

Играли Шуберта. Что-то прозрачное и звенящее. Как осенний день в умирающем лесу. Когда в нем слишком много холодного солнца, потому что листьев уже нет на ветвях. И глаза ее увидели руку, лежавшую на столе, руку с кольцом. Сначала как чужую. Сесилия даже для пробы, свою ли, пошевелила пальцами, будто до этого мгновения рука была парализована, но вот ожила, и это надо было проверить.

— Это его кольцо... Я не замужем. Мама прислала. Это он просил послать, чтобы я не забывала, зачем мы живем.

И опять мне не было отпущено ни секунды, чтобы узнать, зачем же живет Сесилия Доминго. Ее словно подменили.

— Вот же, вот! — обрадовалась она. — Мама пишет это в каждом письме: «Передай советскому народу от меня спасибо. То, что они сделали для всех нас, это бесценно. И скажи им, что если кто приедет к нам в Аргентину, чтобы обязательно были у нас дома. Я тогда буду очень счастливая». Я ей ответила как-то: как же я передам? Всему народу? — Сесилия рассмеялась, хотела убрать письмо.

— А в конце что? — спросил я.

Сесилия хохотала.

— О-о! Это нельзя переводить... «Целую тебя в нос. Очень большой поцелуй в нос!» Наверно, у вас это не звучит, но у нас это хорошо, очень хорошо! Да что вы смотрите мне на нос? Она целует не поэтому... Это мне было пятнадцать лет, я очень хорошо помню. Весь день мы были на улицах, поддерживали социалистическую партию. И мама была все время со мной рядом. А ночью у нас была демонстрация, мамы не было, а в нас бросали газовые гранаты. Вот, осталось на память, — Сесилия прикоснулась пальцем к шраму, погладила его. — Помню, прихожу я домой, боюсь, закрыла нос — вот так платком. «А что это у тебя?» — спрашивает мама. «Да так, с носом что-то». Давай она меня лечить. Сама зашила, разрезан был совсем нос — она же у меня медсестра. А я боялась, дрожала вся. «Ну, — думаю, — не пустит она меня больше никогда!» А она сказала: «Вот что, на демонстрации ходить теперь будем только вместе. Договорились?»

Сесилия еще что-то хотела сказать, но женский голос запел «Ave Maria». Я давно заметил, что все происходящее вокруг влияло на нее ясно и быстро. И Сесилия так же ясно и быстро отзывалась, и ничего не в силах было помешать ей, даже присутствие постороннего человека, каким был сейчас я. Она

умолкла, потому что ей хотелось молчать и слушать. Она ссуптилась, уютно положив руки под грудь. Голос наполнил комнату легко, словно он всегда был здесь, с ней, только раньше мы всем лишь не замечали его. И ему было бесконечно хорошо. Именно голосу — не человеку, который обладал им.

Сесилия заговорила едва слышно:

— По ночам я смотрю в окно. Моя соседка говорит: «Что ты все смотришь?» А я смотрю — у меня такая тоска... Ведь, может быть, я этого никогда больше не увижу.

Я представил, как она, вот так же сложив руки под грудью, глядит в окно. Сейчас там лежал до горизонта чистый снег, и на нем — еще более чистые, чем снег, — зеленели ели и сосны. И еще по снегу плыли вдалеке огромные белые паруса — дома. Голубизна струилась из снега, обхватывала, обтекала деревья и дома и сливалась с небом.

Еще звучала «Ave Maria».

— Через неделю уезжать, — Сесилия не шевелилась. — Я так привыкла к этой картине. Мы когда приехали сюда, там ничего не было — пустота! Понимаете, пустота! Никто почти этого не понимает, а я видела это своими глазами... Новенький кто приедет, а я рассказываю: «Вот смотри: там ничего не было». — «Не может быть!» Они не представляют этого...

Музыка умолкла, и стало можно говорить о ней.

— Я люблю их музыку, — Сесилия положила руки на стол.

— Какую их?

— Церковную.

— Но это Шуберт, — начал было я.

— Я знаю. Но их покупали. Вы же знаете это... Мама никогда не говорила мне прямо: бога нет. Мама верила. Она ходила в церковь каждый день. Это было до войны в Испании, до того, как отец воевал там — он был коммунистом, — до того, как он попал во Францию в концлагерь... А может, это произошло, когда папа вернулся и рассказал, как убивали людей в церквях... Только она уже не стала ходить в церковь совсем...

— Расскажите о себе, Сесилия. Вот той, маленькой.

— Но это рассказ о них. Вы понимаете это?

— Да, Сесилия.

— Мама всегда жила с радостью. Знаете, что она говорила? Она говорила: «Дети должны получить в детстве столько счастья, чтобы им хватило его на всю жизнь». Мне кажется, она сделала это по отношению ко мне. Она андалузка, попала в Аргентину в шесть лет. Мы говорим даже так: Аргентина — это место, где собирались все. Они собирались, рожали детей, и поэтому существует Аргентина. Мама была бедная, но это ее никогда не угнетало. Она рассказывала, у нее не было денег, чтобы купить себе шляпу, и она увидела, как старьевщик выбросил старую шляпу, и она ей понравилась. Мама взяла ее, немного подшила, немного украсила — и носила. Она смеялась, когда рассказывала. Ей надо было каждый день про-

ходить мимо лавочки того самого старьевщика — так она шляпку снимет, под мышку ее, чтобы тот не увидел, отойдет немного — и снова наденет. «Надо, чтобы было красиво, хотя бы и ничего нет», — так говорила она. — Потому что это всем помогает».

Она всегда очень любила картины. Но денег на них не было. Пустяки! Она вырезала репродукции из журналов, наклеивала их на доски — и вешала на стены. «Нельзя жить без радости», — говорила она. — Нельзя без того, что любишь». За едой мы пьем всегда вино с содовой. Но, если нет денег на содовую, она не унывала. Мама ставила на стол пустые бутылки из-под воды: «Пусть нет воды, но это лучше, чем ничего». Отец — каталонец. Он был молчалив, он другой, но он никогда не смеялся над мамой, когда видел на столе эти пустые бутылки. Он понимал ее прекрасно, да они и любили друг друга. Только, может быть, ему было горько понимать ее. Не знаю...

Может, я больше о маме рассказываю, чем об отце, но это ничего не значит. Одни говорят, что у меня характер мамин, другие — как у отца. А я думаю, что это все-таки смесь, и то и другое... И самое главное. Они воспитали меня так: жить только для себя — все равно что не жить. Если бы я относилась равнодушно к тому, что происходит у всех, я не чувствовала бы себя человеком. Это не громкие слова, это то, что есть. И о вас, о вашей стране, мама всегда говорила то, что есть: «Они остановили фашизм. Понимаешь, что это значит для человечества, то, что они остановили фашизм?» Отец это очень хорошо знал, что такое фашизм... А я очень давно решила побывать в Волгограде и в Сибири. Обязательно!

— Почему в Волгограде?

— Мама рассказывала... Во время войны она была в одном доме, у подруги. Они немцы. И ее муж сказал: «Сегодня мы будем праздновать взятие Сталинграда». Мама рассказывала: «Я как раз держала в руке печенье... Я положила его тихонько: «Извините, я пойду... Мне надо идти». У меня была всего одна-единственная монетка, как раз на трамвай, и ехать было очень далеко. И столько же стоила газета. Я шла и думала: «Не может быть, не может этого быть». Купила газету — там ничего не написано. Я пришла домой как убитая. Потом еще долго ничего не писали, и все время я ходила как сумасшедшая, пока не узнала, что это все неправда». Так она рассказывала, а мне хотелось когда-нибудь увидеть Сталинград своими глазами. И как только я приехала к вам, я поехала туда. Я стояла там — там есть здания, которые разрушены, и их оставили такими. По-моему, это очень правильно. Я стояла, и мне казалось, что из каждого пустого окна на меня смотрит человек. Он погиб и молчал, но он смотрел на меня, на всех... Он ничего не мог сказать... Эти люди смотрят оттуда, из пустых окон, днем и ночью — смотрят и молчат. Я многое видела, но эти люди, которых нет, будут со мной всегда.

А Сибирь! Вы ведь спрашивали о Сибири... Когда я уже уезжала, мои друзья говорили: «Мы никогда, наверное, не попадем туда. Ты побывай там за нас». Мы дома знали и о строительных отрядах, и о том, что туда едут по комсомольским путевкам. Ребята даже хотели идти в ваше посольство и просить: «Мы бесплатно, нам ничего не надо. Только возмите нас в строительный отряд в Сибирь!» Знаете, у нас есть одно старое танго о Сибири, да и до сих пор некоторые знают о ней только как о месте, куда ссылали. Я сейчас вспомню по-испански, а потом вам переведу.

Сесилия закрыла глаза и запела. Сначала быстро-быстро, так поют, когда просто хотят вспомнить слова. Но, едва вспомнив их, она уже не могла их не петь. Откуда в Аргентине эта мелодичная тоска — ровная и нетронутая, как снега? Или они собирались туда отовсюду и привезли ее с собой: «...они собирались, рожали детей, и поэтому существует Аргентина».

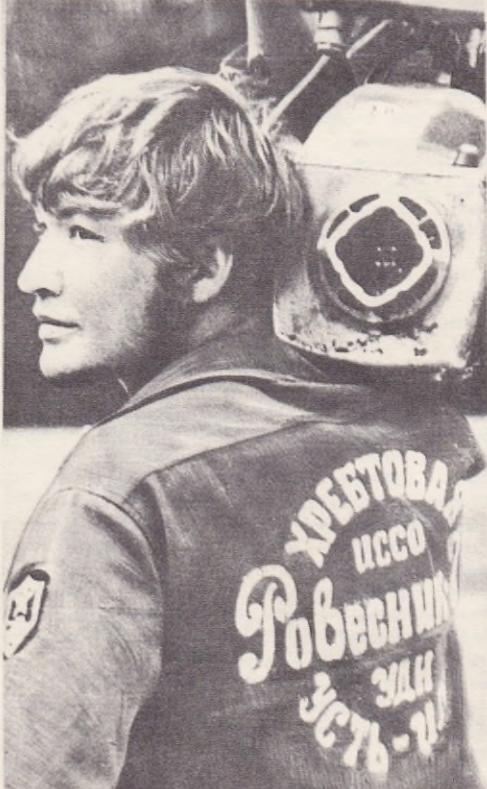
— Вот, — вдруг открыла глаза Сесилия. — Он поет женщине: «Там одни снега. А твои голубые глазаглядят на меня с тоской. И снег вокруг меня. И я иду туда умирать».

— Сесилия, — спросил я, — а ваша мама, она знала, что вы так хотите в Сибирь?

— Конечно! Сначала я работала на строительстве нашего университетского городка, потом на целине каменщиком — строили коровник. А потом я сказала себе: «Я готова, могу!» А мама в это время бегала с моими письмами по всему городу, мы живем в Буэнос-Айресе. «Все знакомые завидуют тебе», — писала она. А я уже была в Сибири... Чай! — вдруг вспомнила она. — Он остыл! Какая ж я хозяйка! И вы... Почему вы не напомнили?

Я уже привык к ее быстрым переменам, но такого искреннего горя увидеть не ожидал. Только слез не было в глазах.

— О! Вы не расстраивайтесь! — почему-то успокаивала меня Сесилия. — Я же все-таки врач. Говорят, даже хороший! Если вы будете в день два раза пить чай восьмидесяти градусов, то

За первые десять лет существования Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы 1737 иностранных студентов побывали на ударных стройках нашей страны. Они участвовали в строительстве Усть-Илимской и Братской ГЭС, Коршуновской горно-обогатительного комбината и железных дорог: Абакан — Тайшет, Хребтовая — Усть-Илимская.

На снимках вы видите студентов — лумумбцев, участников стройки железной дороги Хребтовая — Усть-Илимская.

для желудка, для язвы это все равно что в день выпивать один стакан водки, даже два...

— Так вы и там были врачом? — спросил я, чтобы отвлечь ее.
— Нет, я была сигнальщиком! — гордо ответила Сесилия. — Мне хотелось работать потяжелей, но кому-то надо было и это делать. Далеко от меня бригада работала с молотками, они ничего не слышали и не видели, а если бы даже и заметили поезд, то было бы поздно уходить. Так что я стояла как часовой. Я стояла, чтобы поезд не шел на них. Одна в тайге, целый день... О медведях там рассказывали все время, но, странно, я не боялась медведей. Наверное, все оттого, что я в Сибири просто не верила в то, что кто-то может сделать мне плохо, даже медведи. Только скучно вначале было одной. В первый день я пела песни. А на второй песен уже не хватило, и я стала считать шпалы. На третий я поняла, как это глупо! Раньше я ничего не понимала в железных дорогах, и я решила понять все сама. То, что раньше было для меня лишь железками, вдруг стало иметь смысл, и очень ясный. Потом я стала любоваться природой, но не просто так: я стала изучать насекомых. Удивительно, как их там много и какие они разные! Десять шагов в сторону тайги — и уже совсем другой мир... С ужасом я поняла, что могла бы пробыть в Сибири все два месяца и ничего этого не узнать — даже не узнать: кто же все-такикусает меня, а кто нет? Может быть, это смешно, но я позволяла садиться на себя всем, и потом я рассказала своим, что бояться надо только комаров и слепней, а они — иностранцев в отряде было семьдесят один человек — боялись всех подряд, даже пчел...

А по дороге все время проходили люди — чаще всего это были рабочие-железнодорожники, — и они все спрашивали меня: «Ты кто? Что ты тут делаешь?» Я сразу увидела, что они прекрасно знают, кто я и что делаю, но я поняла: они хотят говорить. Я никогда не видела людей проще их! Мне нравился их черный чайник, и они смеялись вместе со мной. Это был прекрасный чайник, который ни разу не чистили за всю его жизнь и который прошел с ними всю дорогу — от начала и до конца. Это был очень красивый чайник — никому даже в голову не приходило почистить его... А потом мы обедали вместе, я ела сибирское сало, они были рады, что оно мне нравится, и они рассказывали. Они ничего не скрывали. У меня был всегда один вопрос: «Почему вы здесь?» И они рассказывали о тех, кто не выдержал и уехал, о тех, кто вот-вот может уехать сейчас. О тех, кто останется, говорили даже меньше. Это удивительно! Там были молодые и не очень, были даже старые. И я говорила со всеми — они понимают вот что: если там есть города, то только благодаря им, если есть железные дороги, то это они их построили. И без них там не было бы ничего, одна тайга.

Я познакомилась с молодой женщиной Верой. Она работала на дороге с самого начала. Они вставали утром, и у Веры волосы покрывались инеем, потому что они жили в палатках. У нее прекрасные волосы — длинные и светлые. И я спрашивала: «Как же вы выдержали?» — «Мы первое время думали, что не выдержим, — отвечала она. — А потом поняли, что можно». У нее сейчас уже трое детей, и она говорит: «У нас теперь есть поселок, а будет город». Вы так привыкли к этому, что даже не замечаете, что это значит, когда человек говорит «у нас». А для меня это новый мир. Для вас, конечно, не новость, что за восемь лет я прекрасно узнала и ваши недостатки, но, если бы я могла быть на месте этой Веры, могла бы говорить, как она, «у нас», я бы уже чувствовала себя гордой.

Несколько лет назад я приехала в отпуск в Аргентину, и все меня спрашивали: «Это правда, есть там новый человек?» Я отвечала: «Есть». Ваш человек действительно новый. Это не значит, что он самый красивый или самый умный. Нет, он просто другой. И для вас это так естественно, что вы даже не сознаете это.

Я и дома прекрасно знала, что у вас есть пионерские лагеря. Но когда я каждое лето стою на улице и просто вижу, как ваши дети садятся с шумом в автобусы и едут, мне хочется плакать... В тот же отпуск в Аргентине моя подруга повела меня в кафе. Это было итальянское кафе. Мы стояли, смеялись, пили кофе, но, когда я вдруг случайно увидела у дверей двух детей — они чистили обувь, а было уже девять часов вечера, я не смогла уже больше смотреть на это. «Пойдем отсюда!» — сказала я. Произошло самое удивительное: ваша жизнь, ваш подход к человеку стали естественными и для меня. Поэтому я не могу видеть другого, мне больно!

Моя подруга по комнате приходит вечером. Она сердится, шумит, рассказывает обо всем, что там произошло у нее в больнице, и возмущается. А я смотрю на нее и улыбаюсь. «Что ты улыбаешься? — злится она. — Ты ничего не понимаешь! Нет, я все понимаю. Я понимаю главное: как чисто она ко всему относится — чисто и бескорыстно! Вот я уезжаю,

а она даже со мной об этом не говорит. Только однажды она сказала, как ей будет тяжело со мной прощаться. Нет, это не просто деликатность, я знаю.

Вы скажете, что я просто выбираю себе добрых друзей — ведь все выбирают друзей! Но нельзя выбрать случайных встреч, нельзя выбрать совсем случайных разговоров. Это уже не выбор, это жизнь... Вот в Сибири. Мы только что кончили новый участок дороги, все подчистили, убрали — даже шпалы подмели. Стало совсем темно, мы сидели в своем лагере как раз напротив этого участка — мост там. Было собрание, кто-то говорил, и вдруг в темноте чей-то голос: «Стойте! Слушайте!» Мы прислушались и напугались: что могло произойти? Кругом темнота, тайга, и только слышен поезд — он как раз идет по мосту. «Да тиши! — опять кто-то шепчет. — Слышиште? Поезд идет быстрой... Кажется, быстрой. Не может быть! Мы прислушались все. Да, он шел быстрой. Быстрой, потому что это мы сделали свое дело... Мы молчали, никто даже не шевелился, пока поезд не ушел совсем.

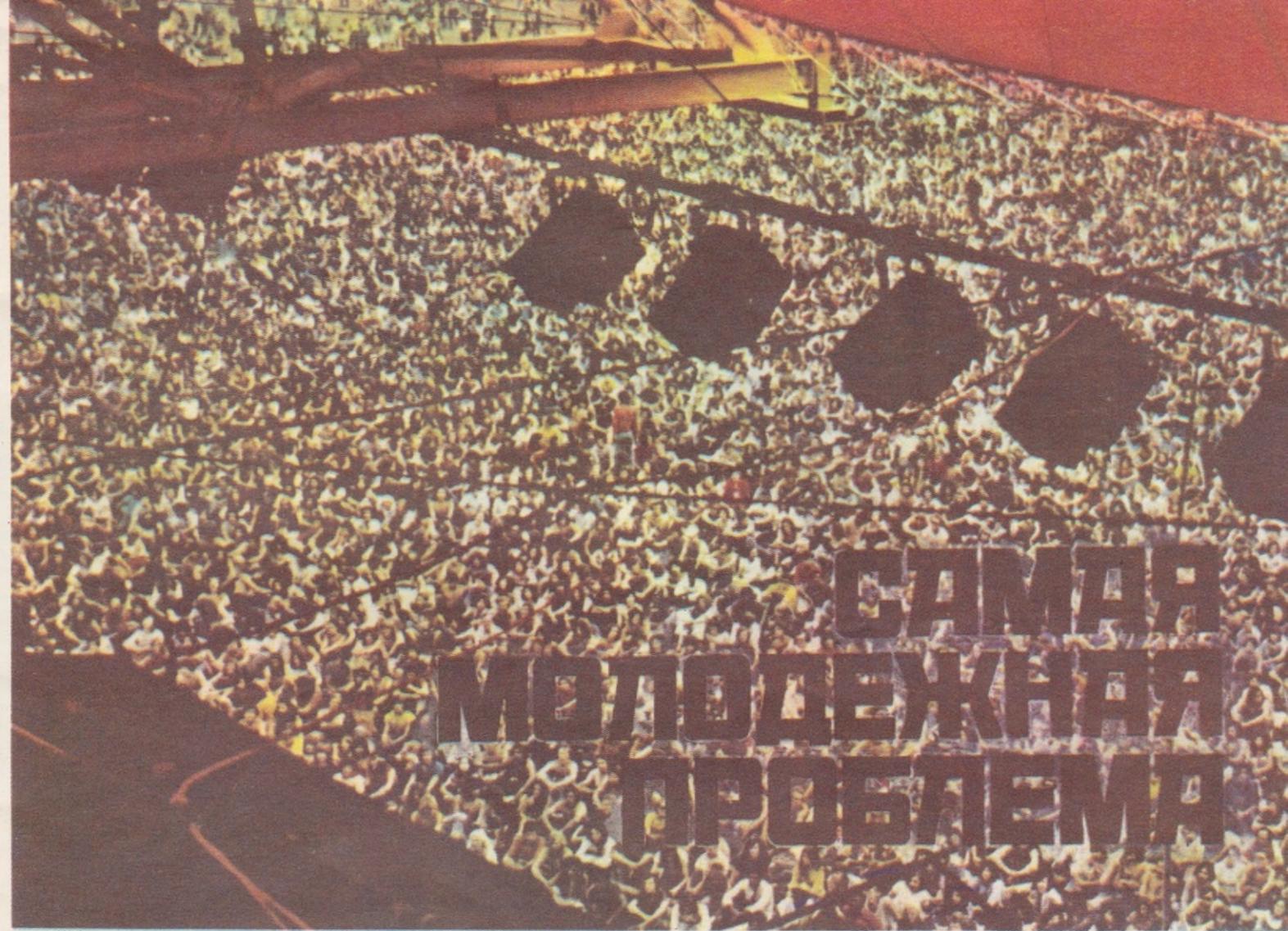
С нами работала женщина. Приехала после института, поработала немного: «Нет, больше не могу здесь! Не буду!» И уехала. Она уезжала так три раза. И все время возвращалась. «Теперь, — говорит, — не могу без Сибири». И я прекрасно ее понимаю. Я сейчас, когда вхожу в университет, на медицинский факультет, а я помню, когда там одни голые стены были, и это мы сделали так много там, когда помогали строить... Это все равно как ученик: нашел какое-то новое лекарство — и это не для себя... Нет, новый человек действительно есть! Вы знаете, о чем спрашивали меня там, в Сибири? Спрашивали, конечно, как у нас живут рабочие, что в Аргентине знают о Союзе, о Сибири. И потом: «Любят там нас, — спрашивали, — или нет?» Если подумать, то проще и нужнее этого вопроса ничего, наверное, не бывает. А его так и задавали — очень просто. «Передайте, — говорили, — что вы видели здесь. Что это конец света, что у нас есть дети, и они веселые».

Вот я попробую порассуждать о себе... У меня уже есть специальность, я врач. Я возвращаюсь на родину, могу устроиться в государственной больнице или в частной, во всяком случае могу жить спокойно и обеспеченно. Я вполне могла бы так жить. Но я знаю, что так жить нельзя, это недостойно человека. Я знаю, что нам надо доставать деньги для государственных больниц, надо, чтобы больниц этих становилось больше. То есть надо идти в конгресс, в министерства, ходить по домам — к людям. И может быть, мы получим что-то и что-то даже улучшится. Но легко может получиться и так, что мы сами из-за своей настойчивости останемся без работы. То есть вы видите, что я далеко не мечтатель и ясно вижу варианты, которые меня могут ожидать. И главное в том, что если мне придется выбирать: жить ли мне спокойно, то есть идти ли, например, на концерт — а я очень люблю музыку — или идти по домам и организовывать людей, чтобы помочь больным, то лучше я не услышу «Ave Maria». Потому что я очень люблю музыку, но человека я люблю больше.

И еще вот что я отлично понимаю: долг мой неоплатен. Нас здесь, у вас, оберегают от всего трудного. Это забота, невзирая на мои личные качества, забота, которую дают в долг, это интернационализм. В буквальном, точном смысле слова мне никогда не вернуть полученного. Мне никогда не вернуть даже одного визита ко мне в больницу, когда зимой я болела. Нужны были фрукты, их не было, и вдруг ко мне пришла моя преподавательница, кандидат медицинских наук — и к кому? Ко мне, с фруктами! Так вот один только этот визит мне уже никогда не вернуть. Я гляжу на вещи трезво. Что же я смогу сделать? Только одно. Если ваш народ смог дать мне то, чего наш пока дать не мог ни мне, ни многим другим, то мой долг, приехав, делать все так, чтобы мой народ был в силах давать образование своим людям. И я не имею права жить только для себя.

Вот я приеду в Аргентину, и меня начнут спрашивать: «Ну, как там Сибирь? Что это такое?» Тогда я покажу фотографии тайги — это Сибирь. А потом покажу другие — города... «И это тоже, — скажу, — Сибирь». Я знаю, как это поразит их, даже моих друзей. Я знаю, им трудно будет представить себе, как это человек в двадцать пять лет, окончив институт, едет из города в глушь — в Сибирь, к медведям. Но я знаю, что скажу. Статистика есть в книгах, есть такие книги о вас и в Аргентине, но человеческое может рассказать только человек. И я расскажу им о женщине, у которой по утрам волосы покрывались инеем... Я расскажу, как тогда, ночью, в тайге мы слушали поезд... Я думаю, они поймут меня.

Мама, когда я уезжала из Аргентины, говорила: «Самые красивые годы своей жизни ты будешь жить там. Но я довольна, хотя и не буду рядом с тобой». И действительно, самые красивые годы я прожила здесь. И мне хочется думать, что я разилась той чистотой, которая есть в вас. Хотя бы немного.

И. ГОРЕЛОВ

„Я разбил римлян, — писал в 216 году до н. э. знаменитый Ганнибал домой, в Карфаген, после битвы при Каннах, — пришли мне войск; я наложил на Италию контрибуцию — пришлите мне денег».

Этот факт из истории Жан-Жак Руссо приводит в своем трактате «Суждение о вечном мире» как лишнее доказательство бессмыслицы и, если так можно сказать, «безвыгодности» завоевательных войн для народа. Более того, «...война, — замечал Ж.-Ж. Руссо, — дает одновременно и предлог для новых денежных поборов и другой не менее благовидный предлог для того, чтобы постоянно содержать многочисленные армии, дабы держать народ в страхе».

Правоту этого замечания легко доказать на примере не только несправедливых войн древности, но и тех, что были развязаны империалистическими силами в нашем веке. Могут ли, скажем, власти Португалии вести колониальную войну в Африке, не ведя войны против собственного народа?

«Пусть выше гор, до самых облаков людские кости и дымящееся мясо громоздятся...» — писал немецкий рифмоплет Фирордей в угарные годы первой мировой войны, призывая своих соотечественников во славу императора и разных крупнов воспылать ненавистью «к миллионам французских дьяволов» и хладнокровно убивать их. Между тем эти миллионы «французских дьяволов» были, как правило, молоды. Как, впрочем, и «дьяволы» немецкие, русские, английские, австрийские, чешские, венгерские, сербские, итальянские, американские и прочие и прочие — все, кто был вовлечен в бессмыслицу бойню начала века во имя «выяснения отношений» между монополиями. До этой войны молодежь, как принято, называли поколением будущего. После (тех, кто остался, разумеется) — потерянным поколением.

К чему вся эта история? — быть может, спросит читатель. К тому, чтобы еще раз подчеркнуть историчность сейдняшних событий.

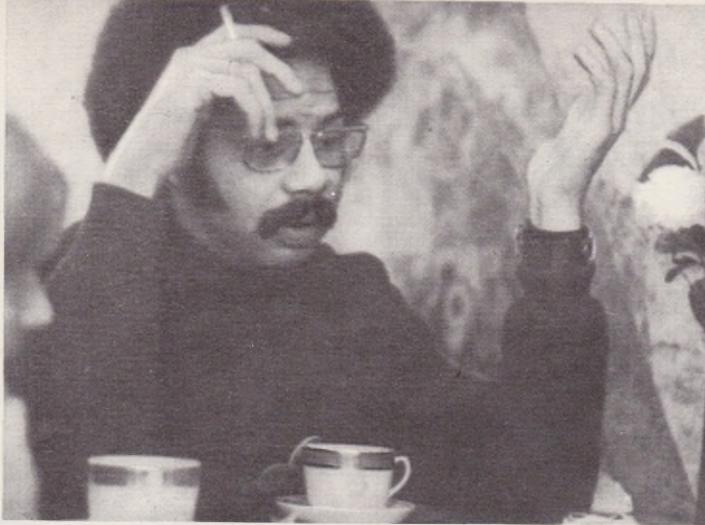
В одном из первых документов победившей в России социалистической революции — Декрете о мире В. И. Ленин поставил как одну из важнейших задач задачу помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира. Верно: народы и раньше пробовали сказать свое слово. Так, еще в 1869 году делегаты первого в истории Международного конгресса «друзей мира», собравшегося в Париже, единодушно одобрили выступление Виктора Гюго, призвавшего к роспуску всех армий. Но пожелания пацифистов так и остались пожеланиями, а призывы — призывами. Нужно было время, чтобы положение изменилось. Нужны были новые условия (и прежде всего — появление на мировой арене социализма), чтобы мир стал делом реальным, а война перестала быть фатально неизбежной.

Эти новые условия продиктовали следующие обстоятельства.

прежде всего это такое изменение в соотношении сил на международной арене, при котором империализм уже не может рассчитывать на безнаказанность военных авантюров, гарантии чему служит мощь стран социализма;

глубокий кризис милитаризма. Веками считалось: война — последняя инстанция в решении внешнеполитических вопросов. Теперь такое решение исключает само развитие техники. Комиссия по разоружению, работавшая в рамках Всемирного конгресса миролюбивых сил, отметила, «что разрушительная мощь накопленного оружия... превосходит в несколько раз то количество, которое необходимо для уничтожения всей жизни на нашей планете». По подсчетам комиссии, в «масштабе всего мира гонка вооружений поглощает каждый год сумму, эквивалентную валовому национальному продукту Соединенного королевства и Италии, вместе взятых»;

кризис захватнической политики империализма, наталкивающейся на мощное сопротивление борющихся народов, которые опираются на поддержку социалистических стран и

всех прогрессивных сил мира, в том числе и в самих империалистических странах. Разумеется, силы военно-промышленного комплекса добровольно своих «прав» на экспансию и диктат не отдавали. Именно им принадлежат последние достижения буржуазной философии войны и мира: «страх и выгода правят миром», «безопасность, основанная на равновесии страха» и прочее;

банкротство идеологии и практики оголтелого антисоветизма, характерного для периода «холодной войны»;

и наконец, тенденция к сотрудничеству различных по политическим и религиозным убеждениям миролюбивых сил.

...Когда-то среди политиков «хорошим тоном» считалось говорить о народе как о «черни», «быдле», «стаде». Теперь такие высказывания позволяют себе лишь политические банкроты, да и то в минуты, когда им терять совсем уж нечего. Теперь народное мнение, в том числе, конечно же, и мнение молодежи, для серьезных, дальновидных политиков является определяющим. И нет проблемы более важной для народов, а тем более для молодежи планеты, чем проблема мира. Не случайно именно ненависть к войне и забота о мире, разрядка напряженности объединили в одно мощное движение людей разных взглядов. Если раньше каждое течение, каждая группа, причислявшая себя к миролюбивым силам, подчеркивала свое представление о справедливом мире и правах народов и искала свой путь, то такие международные проблемы, как Вьетнам, заставили их искать точки соприкосновения, искать пути наиболее эффективной борьбы за мир, эффективных форм солидарности.

Новым важным этапом в развитии движения за мир стал Всемирный конгресс миролюбивых сил в Москве. Выступая с его трибуны, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев говорил:

«Думаю, что никого из нас не устроит мир, по-прежнему опирающийся на «равновесие страха». Такой мир мало чем отличался бы от «холодной войны»..

Народы хотят мира надежного и необратимого, основанного, если можно так выражаться, на равновесии безопасности и взаимного доверия. Это мир, открытый для широкого международного сотрудничества во имя прогресса».

29 октября был важным днем для молодых делегатов конгресса: около 250 человек, представлявших молодежные и студенческие организации (в том числе 13 международных и региональных организаций), собрались в конференц-зале здания СЭВ.

В прошлом номере «Ровесник» опубликовал подборку писем делегатов конгресса своим детям. Среди них было и письмо делегата из ФРГ Отто Цимпельманна. Он писал, в частности, о том, что его поразила смысловая особенность русского слова «мир» — это и мир на земле, и сама земля. В других языках, как известно, для этих понятий существуют разные слова, но то, что мир зависит от того, что происходит на Земле, а сама жизнь на нашей планете — от того, есть ли на ней мир, это было аксиомой для всех участников конгресса. Бесполезно мечтать о мире, если не бороться с тем, что ему угрожает! «Там, где есть колониализм, — говорил на конгрессе товарищ Л. И. Брежнев, — будет борьба за национальное освобождение. Там, где есть эксплуатация, будет борьба за освобождение труда. Там, где есть агрессия, там будет и отпор ей».

Готовность быть вместе, готовность и желание объединить свои силы для борьбы с трудностями, стоящими на пути

разрядки напряженности, на пути мира, активные поиски методов этой борьбы — вот что характерно для современного молодежного движения; вот что было главным вопросом повестки молодежного дня конгресса.

29 октября мы взяли три интервью у трех делегатов, только что выступивших с трибуны встречи молодых.

Марк Аллен, уроженец Сан-Франциско, журналист, член Союза молодых рабочих за освобождение США с момента его основания, два года назад вступил в Компартию США. В 1968 году Марк, получив призывную повестку, покинул США и переехал в Канаду. Призывная повестка в те дни означала Вьетнам, а Марк Аллен всегда был противником этой военной, колониальной авантюры. Он вернулся на родину нелегально и в мае прошлого года был арестован. Ему грозила тюрьма, но уже в июне власти были вынуждены освободить его — в защиту Аллена выступили многие организации; в защиту же давно обанкротившейся, кошмарной войны теперь охотников выступать мало.

— Марк, много ли в вашем отделении союза членов?

— Нет, наша организация пока невелика. Около шестидесяти человек.

— Значит, в таких акциях, как антивоенные выступления, или, в частности, в кампании за твоё освобождение вас поддерживают и другие молодежные группы?

— Да, безусловно. Оппозиция, протест против вьетнамской войны сплотили многие радикальные силы: «Студенческий координационный комитет ненасильственных действий», «Студенты за демократическое общество», «Ветераны против войны», такие негритянские организации, как «Черные пантеры», «Соледадские братья», наконец, просто прогрессивную общественность...

Эта общность позиции непросто. далась американскому молодежному движению. Ровесники первого ядерного взрыва, свидетели небывалой гонки вооружений, милитаризации, «холодной войны», локальных войн, призывающие Вьетнама, «молодые бунтари» начали с отрицания всех «ценностей» отцов. А помните программу хиппи? «Выключайся, включайся, растворяйся» (с помощью наркотиков, разумеется) — стало быть, побоку не только «ценности» этого общества, но и его беды, страдания. Шло время, и к чести «новых левых» лозунгом многих из них стали слова: «Наилучшее использование нашей энергии состоит в сопротивлении тем, кто будет посыпать нас после стольких смертоносных акций еще на одну». Лозунгом, иными словами, стало активное противодействие силам реакции. Но шло время, война кончилась, к каким целям стремится ныне молодежь?

— Вьетнам в свое время стал катализатором активности разных политических групп. На какой основе объединяются прогрессивные силы сегодня?

— Мы вот что по этому поводу думаем. Всякий кризис в международной обстановке — а «холодная война» была щедра на кризисы — вызывает не только активизацию прогрессивных сил, но и сил реакционных, милитаристских, шовинистических и расистских. «Холодная война» — это наступление мракобесов, разрядка напряженности — наступление сил мира, антиимпериалистических сил. Если раньше движение было в основе своей антивоенным, то теперь оно охватывает более широкий круг проблем. Возьми, к примеру, Ближний Восток, Чили — это новые проблемы для молодежи США, и она откликнулась на них не только спонтанно, но и четко антиимпериалистически. На митингах солидар-

ности с Чили молодежь прямо говорила о роли таких монополий, как, например, «Интернешнл телефон энд телеграф компани» (ИТТ). Наконец, «холодная война» — это блокада для координации усилий. Сотрудничество, встречи, тем более такие, как этот конгресс, рушат ее...

Фатхи Элфадл, генеральный секретарь Международного союза студентов (МСС), говорил с трибуны встречи молодежи о том, что в последние годы студенческое движение смогло преодолеть некоторые ошибочные тенденции прошлого. С этого замечания мы и начали разговор в «кулуарах».

— Я имею в виду тенденции авангардизма, идеи собственной революции и разрушения основ капиталистического общества с помощью студенческих выступлений. Изоляция от общей борьбы, и прежде всего борьбы рабочего класса, отставание только своих, связанных с учебой и университетской жизнью прав, вели студенческое движение в тупик, делая его цели нереальными...

— В мае 1968 года у студентов Сорбонны был популярен лозунг «Будьте реалистами, требуйте невозможного!».

— И лозунг этот оказался «верен» лишь во второй своей части: они действительно требовали невозможного. Реалисты же добивались и добиваются единства действий студенчества с другими прогрессивными, антиимпериалистическими силами. Сейчас движение студентов на подъеме, доказательство тому — наше организационное единство. Это единство — инструмент в массовой борьбе, это во-первых. А во-вторых, единство придает нам ясность видения целей и путей их достижения. То, что влияет на общество, на обстановку в мире, влияет и на студенчество. Какая, казалось бы, была связь между движением солидарности с Вьетнамом и количеством мест в университетах? Студенты давно уже ответили — связь есть! Даже если не говорить о таких понятиях, как социальная справедливость, свобода, мораль, даже если говорить только об экономической стороне дела: только в период между 1961 и 1970 годами военные расходы во всем мире превышали расходы на образование в 1,5 раза! Сейчас студенчество ясно понимает, что оно не сможет решить такие свои специфические проблемы, как демократизация образования, его реформа, если не будет выступать общим фронтом со всеми прогрессивными силами...

Речь Бернарда Мафуры, члена Молодежной лиги Африканского национального союза Танганьики (МЛ ТАНУ), была кратка и эмоциональна.

— Да, главное, я повторяю, это конкретная, практическая и быстрая помощь тем, кто нуждается в ней, кто сражается с угнетением, колониализмом. Мир движется к более гармоничным отношениям; люди, страны, правительства становятся ближе, помогая миру в мире. Потому-то и важны

сейчас именно конкретные шаги, такие, например, как призыв выступившего на конгрессе Леонида Брежнева прекратить огонь на Ближнем Востоке, добиться справедливого мира. Разве это не практическая помощь делу мира!

Но помочь миру должна поступать не только от правительства и организаций. Она должна быть и индивидуальной, личной. Ее ждут — и я знаю: это касается меня лично, моего скромного кармана, — те, кто страдает и сражается в таких, к примеру, странах, как Мозамбик, Намибия...

В речи на Всемирном конгрессе миролюбивых сил в Москве товарищ Л. И. Брежnev говорил: «...достигнутое на пути к миру нуждается в неустанном развитии. Путь этот и дальше не будет простым. Придется преодолеть немало препятствий, отбить не одну контратаку врагов мира... Многое предстоит сделать для активизации каждого из миролюбивых потоков и одновременно — чтобы слить их в одном общем русле». Именно этой важной работе была посвящена встреча представителей молодежных и студенческих организаций, участников всемирного форума в Москве.

КОЛЛЕГИ

В. ДУБИНСКИЙ

I

Вовсе не обязательно рассказывать всю его биографию, представляющую нормальное течение жизни. Исходя из таких сведений, как «родился», «учился» и так далее, можно выяснить многое, но не все, а может быть, даже и потерять что-то главное. К тому же определяющим фактором, скажем, в выборе профессии могут послужить и случай и обстоятельство, которые не вписываются в анкетный листок.

Определяющим в своей биографии Рудольф Бем считает тот факт, что большинство жителей района, где он появился на свет, — рабочие-химики. Проходная громадного химического завода всегда была своеобразным продолжением улицы, на которой жила их семья. Это производство можно было увидеть и учゅять за много километров от него. Однако, привыкнув с малых лет к замысловатой форме заводских агрегатов, к фантастическим столбам дыма, Руди долгое время не знал, какому производству они сопутствуют.

Ему не приходило в голову, что Лойна-верке выпускает аммиак для изготовления взрывчатых веществ. Не догадывался он о существовании и других химических концернов, сами названия которых в нашу пору звучат как фамилии осужденных военных преступников.

Другое воспоминание раннего детства относится к вкусовым ощущениям. Он хорошо помнит, как его угождал сахаром русский солдат из полка, стоявшего в их городе.

Все это он мне сам рассказал. Познакомились мы недавно, когда он уже был зрелым специалистом — инженером по монтажу химического оборудования. Местом нашей встречи стал молодой белорусский город Новополоцк, куда Руди командировалась его фирма. А время встречи приходилось на последнюю декаду декабря, период так называемых «семейных» праздников в ГДР. Хозяйки в немецких домах извлекают в эту пору на свет божий миниатюрные настольные елки из листовой меди с бубенчиками, которые приводят в трепет тепло стеариновых свечей, запасаются всеми приправами для выпечки рождественского пирога «штоллен» и покупают игрушки детям. Разумеется, в доме по улице Молодежной, 75 города Новополоцка, где проживает семья Бем, в эту пору все так и было.

Только уместно здесь сказать еще и о том, что конец декабря в Новополоцке ознаменовался другим праздничным событием, участником которого был также Руди Бем. Так уж распорядился его величество случай, а точнее — программа работ на Всесоюзной ударной комсомольской стройке Полоцкого нефтеперерабатывающего комбината, что второе событие затмило первое, хоть и носило ярко выраженный производственный характер. На «Нефтестрое» вступила в действие новая уникальная установка по производству полиэтилена. А в местном музее, устроенным в первом здании города — рабочем общежитии, появился новый экспонат. Рядом с колбой первого белорусского бензина, кусочком первого белорусского битума, мотком первой пряжи из заменителя шерсти нитрона, под музыкальным стеклом оказалась гранула полиэтилена высокого давления, изготовленная на установке Руди и мастера Васильева.

II

Мы условились, что инженер Бем станет на время моим экскурсоводом по Новополоцку. Руди живет вблизи площади Строителей.

— Отсюда и начнем, — сказал он. — Вот стадион, вот институт, вот Дворец нефтяников, вот исполком, а вот главный новополоцкий каток. Смотри, как молод наш мэр, если позволил устроить каток в деловой части города.

Я сразу понял, что каток — излюбленное место Руди.

— Часто ты здесь бываешь? — спрашивала его.

— Как говоримся с сыном. Однажды он разбил себе нос. Мать после этого уговаривала его бросить коньки... Упрямый.

— А ты как отреагировал?

— Я сказал: если мать будет отнимать коньки, пожалуемся мэру. Он сам бывший конькобежец.

Заботы о воспитании характера и ума маленького человека — одни из главных в жизни Руди. Он с интересом следит за тем, какое принимает участие в его сыне детский сад, каток, такие же шестилетние мальчишки и девочки.

Прожив в Новополоцке с полгода, Бем-младший постиг сногшибательную вещь: оказывается, одно и то же явление либо

действие, ну, например, «кататься на коньках», выражается и обозначается по-разному на двух разных, но уже известных ему языках.

Пока Бем работал над нынешним проектом установки, его семья не раз переезжала из ГДР в Советский Союз и обратно. Жили они и в Ленинграде — Саша Бем в ту пору выучил русский и забыл немецкий. Потом Карл-Маркс-Штадт — тогда он вспомнил немецкий и подзабыл русский. Еще несколько переездов, и пришел день пробуждения. По возвращении из детского сада Саша спросил как-то на чистом русском языке:

— Папа, чей я ребенок, немецкий или русский?

— Ты ребенок мой и мамин.

— Мария Васильевна назначила меня Иваном-царевичем. Значит, я говорю по-русски как другие, а может быть, и лучше.

— Конечно, не хуже.

— Конечно. Только один раз я хотел сказать «Гутен таг, красна девица». Но сказал правильно.

— Теперь, кажется, он понял, — продолжал Руди, — что есть два отдельных языка; и вместе с тем понял, что его знание русского языка необходимо другим детям наших специалистов. Он учит их не хуже иного учителя.

Я спросил Руди, каким образом у него и у его товарищей из группы специалистов ГДР появились друзья в третьей новополоцкой школе, подшешней 10-й класс? Вместе с этим классом немецкие специалисты устраивают интересные вечера, экскурсии, футбольные баталии.

— Город этот молодой, — ответил Руди. — Вот и интересно было всем нашим узнать, какая здесь учится молодежь, в чьи руки завтра попадет город, его ударная стройка, все, чем он гордится пятнадцать лет, пока здесь стоит.

Словом, подружились. А недавно приняли в свою компанию школьников из Карл-Маркс-Штадта. Теперь у наших друзей образовался с ребятами из ГДР настоящий почтово-телеграфный мост. Заочно они соревнуются в шахматах, в легкоатлетическом многоборье.

Что же показал мне Руди в этот день? Новые двенадцатиэтажные дома, профилакторий нефтяников, причудливые формы строящегося бассейна, линию скоростного трамвая, который повезет рабочую смену напрямик через густой еловый бор к воротам комбината.

А потом мы просто так вышагивали по Молодежной, подчинившись ее пешеходной стихии. Зубчатая стена леса шла параллельно улице, и солнце, похожее на подсвеченное изнутри гранатового зернышко, перескакивало с ели на ель, оплавляя золотом вершины.

Мой провожатый остановил меня возле одного из обыкновенных, ничем не запоминающихся домов.

— Мы столько вели разговоров о городе, — сказал Руди, — что я едва не забыл показать тебе вот это. — Над цоколем висела доска: «Площадь строителей. Названа в честь первых героических участников строительства города Новополоцка и первой очереди нефтеперерабатывающего комбината».

...Вблизи места, где первые строители ставили свои палатки, звонко резали лед конькобежцы.

— Руди, ты вполне мог бы возглавить местное экскурсионное бюро.

— Надеюсь, это не лесть? В некотором смысле я считаю себя старожилом.

Я заверил Руди, что это не лесть...

III

Нефть может быть преобразована в то, что мы носим, едим, чем лечимся, что составляет предметы необходимой утвари. Затрудняюсь сказать, какие именно экспонаты появятся в будущем на просторных и все еще довольно свободных полках новополоцкого музея — ткани, медикаменты, массивная подошва для туфель «на платформе».

Пролежавшая миллионы лет в недрах земли и возвращаемая в жизнь субстанция света и тепла неисчерпаема в своих возможностях. Именно поэтому сегодня ее стали беречь, как никогда. Именно поэтому она требует и будет требовать впредь творческого внимания самых лучших, самых опытных специалистов.

Но кто же они, эти люди, которые разрабатывают от «а» до «я» сложнейшие установки, которые приезжают сюда из крупнейших научных и промышленных центров двух стран и которые все-таки считают себя здешними, новополоцкими старожилами?

Руди сказал:

— Мы были первыми, кто поехал в СССР для участия в комплексной группе. Работали по самому привычному, обыкновенному графику. Вначале, правда, здорово спотыкались на «мелочах»: трудности языка, общения, различия в нормах, стандартах. Но дело в том, что для наших Новополоцк — это не только место приложения своих сил, способностей. Работать здесь — удовольствие для инженера-химика, знатока своего дела. К то-

му же город еще и неотъемлемая частица страны, о которой каждый из нас размышлял, к которой стремился со школьной скамьи...

Иду к строителям «Полимира-50», к участникам уникального коллектива, состоящего из граждан двух стран.

Стройка, о которой идет речь, с ее гигантскими колбами, цилиндрами, переплетениями трубопроводов своеобразна еще и рядом других внешних особенностей. У ворот — приветствие и эмблема с флагами двух стран.

Здесь работает коллектив «Нефтестроя», а возглавляют монтажные работы советские инженеры и их коллеги из ГДР.

Прорабская, куда приглашает меня войти Руди, пронизана светом, льющимся сквозь стеклянную стену. Столов нет, вернее, они не бросаются в глаза, уступив место свободному пространству, по которому хорошо ходить, рассуждая, взвешивая данные той или иной деловой задачи. А вот двое играют в шахматы. Время обеденное. При нашем появлении соперники соглашаются на ничью, а из глубины комнаты подходят остальные.

— Инженер Поляков, — представляется один из шахматистов. — Мы все из одной конторы, хоть и представляем, так сказать, две стороны межправительственного соглашения.

— Инженер Ницше, — представляется его соперник по шахматам.

Первый — инженер-монтажник, второй — инженер-технолог. Оба — из числа основателей смешанного коллектива, впервые увидели друг друга и познакомились в Ленинграде пару лет назад. На той, первой, начальной стадии работа шла на базе института ЛенНИИхиммаш. Поскольку все вопросы касались технологии, то и руководил двусторонней группой Ницше, а Поляков ходил у него в заместителях. Теперь же, в предпусковой период, их роли поменялись. Дружат семьями.

— Какая разница, кто на данном этапе начальствует, он ли, я ли? Помните, как у Маяковского:

Разрежем

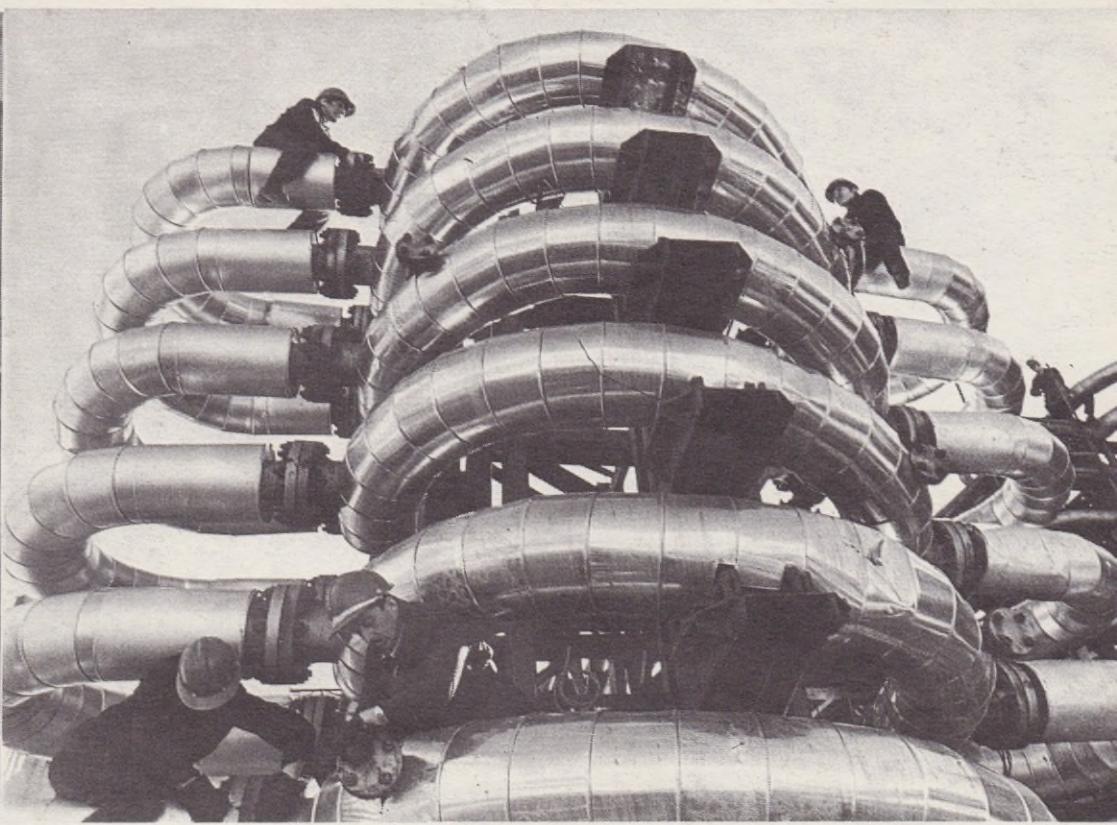
общую курицу славы

И выдадим каждому

по равному куску.

Знакомлюсь с остальными. Инженер Реттиг, до того как приехать в Новополоцк, трудился на Кубе. По газетным сообщениям уже тогда знал о стройке на древней полоцкой земле. Его коллега Меринг учился в Ленинграде. С друзьями-альпинистами исходил весь Кавказ. До сих пор пишет и получает письма от тех, с кем взбирался за облака в одной связке. Дитер Кальмерт сообщает, между прочим, что инженером-химиком стал в Одессе. У них в Одессе была отличная компания и песня «Шалянды польные кефали...». И наконец, Виктор Васильев, тоже инженер, мастер, чуток застенчивый, который говорит просто:

— А я работаю с Руди. Он руководит шеф-монтажом. У ме-

ия бригада монтажников. Сегодня с самого утра вместе работали в компрессорном...

IV

Их знакомство состоялось в тот памятный для Руди час, когда он впервые появился на строительной площадке «Полимира-50». Многие приняли его тогда за нового переводчика специалистов из ГДР. Обнаружив это обстоятельство, Руди усмотрел в нем известное преимущество: «Вот и хорошо, что «переводчик». Легче в дело войти, а случай проявить свои познания еще представится».

Но Васильев не так-то легко провести. Он работал с разными проектировщиками: с придиличными, с раздражительными, с проницательными, с резвыми, с «вареными».

Сам Васильев — человек, любящий ясность и потому, взявшись за рога, спросил новичка напрямик:

— А вы что кончали?

— Я? — застигнутый врасплох, переспросил Руди. — МИХМ.

— А я минский машиностроительный. Как закончил — сюда, на ударную. Здесь и работаю с самой первой очереди.

Дальнейшего развития их знакомство тогда не получило. И только со временем, по стечению обстоятельств, поставивших их в зависимость друг от друга, у них возникли деловые отношения коллег.

Новый инженер проявлял изрядную требовательность к качеству работ, исполняемых бригадой Васильева. «Зануда», вырвалось как-то словечко у одного из монтажников, но Виктор Федорович немедленно внес в это дело резон:

— Когда требовательность не формальная, ее нужно приветствовать. Ясно?..

Свой профессиональный багаж инженер Бем демонстрировал с блеском, так сказать, на уровне высшего пилотажа. Раз поступили из проектного института чертежи, в которых обнаружилась какая-то путаница. Расчеты, к которым следовало бы подключить целый коллектив, он выполнил на месте, да так, что впоследствии все данные сошлись один к одному.

Васильеву это понравилось. Однажды он сам предложил изменить конструкцию важного узла — его бригада в ту пору монтировала ходильник возвратного газа. Подхватив на лету предложение шефа монтажников, Руди дал ему великолепное развитие, а в день окончания работ отметил инициативу мастера бригады монтажников.

— Честно говоря, — признался Руди, — я не рассчитывал на такую зоркость вашего профессионального зрения.

— Впредь имейте ее в виду, — парировал Васильев. — Когдато я очень хотел быть сыщиком, а вот теперь выискиваю блох в проектных чертежах...

В начале ноября инженер Бем собрался дней на десять выехать в Карл-Маркс-Штадт. Время для поездки было выбрано относительно спокойное, но разве бывает настояще спокойствие в дни пуско-наладочных работ.

Перед тем как сесть в ожидавший его «вартбург» и выехать на вокзал, Руди вновь пробежал глазами монтажную схему и набрал телефон Васильева:

— Могу ли я, рассчитывая на вас, коллега, ехать со спокойным сердцем?

— Езжайте спокойно, — отозвался Васильев. — Есть, правда, кое-какие мелочи, но оснований для беспокойства не вижу. Дотянем своими силами.

По возвращении из Карл-Маркс-Штадта инженер Бем весьма тщательно обследовал узел, монтируя в него отсутствие. Результатами обследования остался доволен. Хотел было поздравить Васильева. Да не тут-то было. Руководителя монтажников уже закружили другие дела. Он в это время целиком переключился на компрессоры второго каскада. Ему было чертовски некогда, в бытовке шло совещание, и он сказал, что с удовольствием повидает Руди чуточку позже.

А это «чуточку позже» случилось и вовсе вечером, когда они поехали городским автобусом в город и когда Виктор Федорович в ответ на расспросы Руди Бема перечислил оставленных проектировщиками тех самых «блох», которые он так наловчился вылавливать.

— Дьявол ты, Васильев, — сказал восхищенно Бем. — Но почему же в день моего отъезда не сказал, что их так много?

— Потому что был уверен — справимся.

Именно этот разговор, по свидетельству его участников, внес в деловые отношения коллег нечто новое. Во всяком случае после него инженеры Бем и Васильев стали встречаться не только на строительной площадке...

V

Спрашиваю Руди: каким был самый счастливый день в его жизни?

— Ну и хитрец. — Руди смеется. — Конечно же, это день, который впереди. Для нас радость в том, чтобы скомпоновать тысячу единиц оборудования в единое целое. Все, что когда-то сам конструировал, что когда-то рисовали русские, немецкие коллеги на эскизах, полях служебных бумаг и газет, на папиресных коробках и сигаретных пачках, обрело жизнь и заработало. Тут всегда приходит идея — увидеть бы всех сразу. Всех создававших установку. Вот бы народу натолкалось в нашу контору. Я бы обязательно пригласил в такой день и ребят из МИХМа, с которыми подружился в общежитии на Соколе.

Дик Барбор-Майт, профессор проблем управления Лондонского политехнического университета, прибыл в Чили за несколько недель до фашистского переворота. Главная цель его поездки — изучение опыта национализации меднорудной промышленности и системы предоставления кредитов. Еще один пункт его программы — подготовка серии статей для одного из английских политических еженедельников.

В последний уин-энд перед путчем Барбор-Майт решил отдохнуть на берегу Тихого океана, в Вальпараисо. Но погода испортилась, пошел дождь, и в понедельник 10 сентября профессор возвращался попутной машиной в Сантьяго. Шоссе Вальпараисо — Сантьяго оказалось блокированным: правые террористы жгли грузовики тех патриотически настроенных водителей, которые не присоединились к «забастовщикам», решившим лишить столицу продовольствия и горючего.

Пока машина кружила по обездыенным дорогам, ее хозяева, люди, безусловно, состоятельные, с яростью и непринятой ненавистью доказывали англичанину Барбор-Майту, что в хаосе виноваты Альянде и его правительство, что только вмешательство военных может спасти страну...

Следующее утро — вторник 11-го — стало утром трагиче-

ского и кровавого мятежа. Хроника его уже много раз описана, и мы не будем приводить здесь впечатления самого Барбор-Майта.

Мы отобрали из дневников профессора те фрагменты, в которых он говорит о своем пребывании на Национальном стадионе в Сантьяго, где хунта, как известно, устроила огромный концлагерь. (Фант этот широко известен во всем мире; единственными людьми, ничего «не слышавшими» о нем, оказались руководители ФИФА, цинично предлагавшие играть в футбол на обагренном кровью поле. За такую «принципиальную позицию» ФИФА, кстати сказать, получила телеграмму с излияниями «сердечной признательности» от самого генерала-палача Пинчата.)

Англичанин Барбор-Майт оказался среди заключенных, несомненно, по недоразумению: его «загребли» потому, что «гребень» репрессий хунты был слишком част. Арестовывали всех подряд, не церемонясь, нарушая все гражданские права. Самого профессора Барбор-Майта не пытали ни током, ни хлыстами, ни ударами прикладов или сапог. Но он видел все это, и его дневники — важное, хотя и неполное, свидетельство кровавого разгула фашизма, топущего землю Чили.

СВИДЕТЕЛЬ НА СТАДИОНЕ

Дик БАРБОР-МАЙТ, профессор Лондонского политехнического университета

ДНЕВНИК АНГЛИЧАНИНА, АРЕСТОВАННОГО ЧИЛИЙСКОЙ ХУНТОЙ И ЗАКЛЮЧЕННОГО НА НАЦИОНАЛЬНОМ СТАДИОНЕ В САНТЬЯГО

Четверг, 13 сентября. В полдень кончается «комендантский час», и мы с моим другом-англичанином выходим на улицу. Решаем пойти в сторону промышленной части города, посмотреть, что делается там. Минуем шесть или семь кварталов и выходим на улицу Сан-Диего. У меня с собой маленький тран-

зистор. На всякий случай, чтобы не вызвал подозрений разбухший карман, я решаю держать его в руке. Неожиданно нас обгоняет машина и тут же резко тормозит; трое карабинеров, выскочившие из нее, показывают нам дулами автоматов: повернуться спиной, руки положить на стену. Мой испанский довольно скромен, я говорю: «Пренса, британникос», что означает — я английский журналист. В ответ сержант орет что-то мне в лицо, срывает с меня пиджак и тут же обшаривает его карманы. Затем приказывает расстегнуть ремень и вытряхивает на тротуар содержимое карманов брюк. Блокнот с записями, деньги, сигареты, паспорт, радио, наконец, — короче, все летит на землю. Уперев стволы в спины, нас отводят в 6-й комиссариат, это, кажется, на улице Сан-Франциско. Нас допрашивают и объявляют о том, что мы как подозрительные элементы арестованы. Мой приятель просит разрешения позвонить в посольство. Ему отказывают.

В комиссариате нас вместе с дюжиной арестованных (все латиноамериканцы, кроме еще одного англичанина, некоего Доусона, эксперта по текстилю, уже несколько лет проживающего в Чили и женатого на чилийке) продержали несколько часов. Этот Доусон явно на стороне военных; он говорит мне, что жена его входит в женскую организацию, устраивавшую «антиальендовские» балы и ведущую пропаганду среди жен офицеров, с тем чтобы их мужья занимались подрывной антиправительственной деятельностью; м-р Доусон говорит мне также, что сам он отказался от места «интервентора», своего рода экономического советника при правительстве, поскольку он предал бы таким образом своих фашистских друзей.

В шесть нас грузят в автобус и отвозят на Национальный стадион. По дороге я наконец-то могу удовлетворить свое любопытство и посмотреть, что же происходит в южной части города. Одним из первых распоряжений хунты был приказ всему населению вывесить на три дня флаги. И вот мы проезжаем на автобусе через район, населенный буржуа: он весь увенчен флагами. Потом въезжаем в район простонародья: ни одного, ни единого флага на белых стенах маленьких домов.

Через полчаса мы на стадионе. Под дулами автоматов, ладони на затылке, мы проходим по коридорам. Здесь сотни арестованных, и через каждые два шага — вооруженный солдат. Наконец нам приказывают остановиться, повернуться к стене и не шевелиться. Так я стою больше часа, правда, пару раз я попробовал было повернуть голову, чтобы посмотреть, что там, у меня за спиной, но каждый раз указательный палец солдата возвращал мою голову в исходное положение.

Нас переводят на новое место, и в одном из коридоров я вижу семь-восемь человек, лежащих на животе, при этом руки их связаны за спиной — у всех, кроме одного; этот один лежит на спине, раскинув руки, и дышит явно с трудом. Они все лежали недвижно, похоже, что после пыток. Время от времени по коридорам, гремя сапогами, пробегали группы карабинеров в их непременно зеленых касках и оранжевого цвета на шейных платках... После нового часового ожидания нас снова приводят на допрос. Вопросы все те же: кто я, что делаю в Чили, где доказательства, что я некоммунист, и прочее, и прочее. В конце концов, меня приводят в большую комнату, где я снова встречаюсь со своим приятелем и Доусоном.

В этой комнате, бывшей раздевалке спортсменов, нас собрались человек сорок. Женщины и мужчины вместе. В углу — двое ребят, бритые наголо; один, как я позже узнал, мексиканский журналист, второй — исполнитель «поп-песен». На какое-то мгновение мне удалось, приоткрыв дверь, разглядеть в коридоре человек двенадцать мужчин, стоявших, неестественно широко расставив ноги, лицом к стене. Солдат отогнал меня от двери, но вскоре это место занял мой друг; он рассказал мне об увиденном: солдаты начали избивать арестованных ногами и прикладами карабинеров.

Нас переводят в новую раздевалку. Теперь здесь одни мужчины. Сама комната — семь метров на десять, в одном углу туалеты. Сейчас девять вечера; есть нечего, так что пытаемся уснуть.

В пять утра входят карабинеры; двое направляются к туалету, остальные подходят к заключенным и по очереди вталкивают их в угол.. На пути «туда» заключенные держат руки за голову, на лице каждого — страдание, унижение; путь «обратно» два карабинера сопровождают обязательными ударами прикладом: один в спину, один в живот; все переносят удары молча... В раздевалку вводят еще одного заключенного — глаза, как у сумасшедшего, навыкате, одет в рабочую спецовку, на лбу — повязка. Его при этом не бьют; похоже, его уже до этого здорово избили.

СЛЕДЫ ПЫТОК НА СПИНЕ

Пятница, 14 сентября. Около девяти нам принесли кофе и по куску хлеба. Вскоре появляются карабинеры с картонкой и четырьмя метлами. Они приказывают подмети комнату. Мой со-зодич, исповедующий фашистские убеждения, отказывается на-отрез: у него, говорит он карабинерам, есть отличные связи среди людей нового режима. Остальные в это время метут. Когда мусор был собран в двух углах, трое карабинеров под-ходят к Доусону. Первый бьет его прикладом в плечо, втор-ой — в спину, третий — в живот. Какое-то мгновение Доусон стоит неподвижно, потом валится на пол. Его поднимают за пиджак и отволакивают к куче мусора.

В одиннадцать нас выводят — все так же под охраной, все так же руки за голову. Проходим по коридорам под трибуналами стадиона и видим, как по другим коридорам бредут другие колонны арестованных или стоят на коленях, повернувшись лицом к стене. Наконец нас вводят в новую раздевалку, по раз-меру больше прежней. Теперь нас человек пятьдесят, не мень-

ше; кроме нас троих, все остальные — латиноамериканцы. Узнаю среди них парня в спецовке и с повязкой на голове, которого к нам приводили утром. Сейчас он сидит в углу и на мои расспросы о самочувствии не отвечает; он говорит сам с собою, вертит в руках пустую гильзу, бросает ее об стену, подбирает и снова бросает. Его пытали и били — какие теперь в этом сомнения! У человека, лежащего рядом с ним, — конвульсии, он закатывает к небу глаза, сошел с ума... С помощью своего приятеля я пытаюсь поговорить с заключенными. Один из них, как выяснилось, бразилец, делает мне знак и направляется к уборной. Там он задирает рубашку и показывает следы от побоев: семь-восемь рубцов на груди и множество на спине; потом закатывает штанину — колено кровоточит. Он говорит, что его друга, тоже бразильца, били еще хуже: тот два раза терял сознание. Мы возвращаемся в комнату, где мой приятель сообщает: он только что разговаривал с одним мексиканским студентом, у которого сломано четыре ребра.

В полвторого вызвали Доусона; его друзья, они же друзья нового режима, смогли разыскать его и добиться разрешения на звонок в посольство. Неожиданно я почувствовал, как по спине пробежал холодок тревоги: отчего-то мне вспомнились некоторые мои записи в блокноте, сделанные еще в Лондоне. Теперь они для меня, несомненно, опасны: я писал тогда, готовя статью о Чили, о МИРе¹, о марксизме в Чили и тому подобное. Не спеша поднимаюсь и направляюсь в уборную. Рядом в кабине кто-то есть, человек кашляет надсадно и неестественно. Осторожно вырыгаю несколько листков из блокнота, бросаю их в унитаз и дергаю цепочку. Едва я вышел, задыхавшийся от кашля человек бросается в мою кабину. Но он опоздал, по его взгляду вижу, как он разозлен.

Ко мне подходит бразилец; он уверен, что меня скоро освободят, и потому просит передать всем, кто может помочь, что сейчас в Чили арестовано 15 тысяч южноамериканцев, что жизнь их в опасности...

В восемь я снова на допросе. Все те же вопросы. Началась моя вторая ночь на стадионе.

ЗАКОЛОТ ШТИКАМИ

Суббота, 15 сентября. В восемь утра нас вновь переводят. На этот раз — на футбольное поле, на которое согнали тысячи арестованных. Через полчаса над стадионом появляется вертолет; он снижается, открывается окошко, и рука выбрасывает листовки. Я поднимаю одну и читаю: в ней знакомые мне уже призывают соблюдать дисциплину. Военные, утверждает листовка, полностью контролируют положение. Меня особо поразила последняя фраза: «Не проявляйте никакого сочувствия к иностранцам. Они явились в нашу страну, чтобы угнетать и убивать чилийцев. Заявляйте об их местоположении в ближайший по-лицейский участок».

Около одиннадцати вижу странную процессию: через поле стадиона идет один человек в сопровождении шести солдат с оружием наизготовку. Все семеро исчезают в проходе, откуда обычно выходят на игру футболисты. Через десять минут группа появляется вновь: солдаты волокут человека и бросают его на кромку поля. Несколько арестованных подходят к нему, делают искусственное дыхание, переносят в гущу толпы. Он еще жив, но нетрудно представить, что ему пришлось пережить... Я прислушался к разговору группы арестованных; один из них рассказывал, что сам был свидетелем подобных пыток; он своими глазами видел, как солдаты прикончили человека ударами прикладов в живот и пах. Другой добавляет, что видел, как человека закололи штыками. Какая-то женщина вспоминает о мас-совом побоище, устроенным среди безоружных служащих одного из министерств. Многие подтверждают, что были свидетелями одной и той же сцены: отряд солдат конвоировал колонну заключенных; на лбу каждого из них стояла голубая буква F, что означало «фузиладо» — «расстрелять»...

В три нас двоих отпустили, принеся извинения.

Дома делаю последние записи в своем блокноте. Записываю среди прочего фразу, сказанную одним уругвайцем: «Ты был свидетелем репрессий, которые ничем не отличаются от репрессий нацистов»...

Через шесть дней я улетал из Сантьяго. Рядом в кресле сидит женщина — англочилийка по происхождению, она летит на свадьбу дочери в Буэнос-Айрес. В дороге я рассказываю ей кое-что из увиденного, услышанного: штурм дворца Монеда, Политехнического университета, жестокости и пытки на стадионе... Я спрашиваю, знает ли она, что на днях на кладбище столицы захоронили две тысячи трупов детей? Ее лицо становится жестким. «Это должно было случиться», — говорит она сухо.

Перевел с английского С. РЕМОВ

¹ МИР — ультраправая организация. — Прим. ред.

КООПЕРАТИВ ПЛЕМЕНИ НДЖЕМПС

Однажды в селение Маригат, где расположены оффисы районных властей, явились шесть старейшин племени нджемпс в роскошных львиных шапках. Они вошли в кабинет комиссара района, воткнули копья в земляной пол и расселись, поджав ноги. Самый старый, Оле Лемугут, заговорил первым:

— Раньше, комиссар, когда нджемпс воевали с соседями, людьми племен тugen и мараквет, мы часто бывали по ту сторону гор Илкамасья и видели, как местные люди гонят воду на свои засушливые поля по рекам, которые они сами роют. Мы же живем рядом с большим озером, а посевы на наших полях чахнут от засухи.

— Мы хотим, чтобы все считали нджемпс искусными землемельцами, — вступил в разговор другой старейшина.

— Мы копаемся на своих полях в песчаной пустыне по-одиночке, — сказал третий. — Но нас, нджемпс, очень мало — всего семь тысяч на всю Кению, и разве можно нам разъединяться!

— Чего же вы хотите, вамзее? — выслушав всех, спросил комиссар.

Вамзее, что на языке суахили означает «старейшины», ответили:

— Этой ночью все мужчины нджемпс собрались на большую сходку — баразу — и порешили напоить водой свои сухие поля. Мы хотим прорыть реку от озера Баринго, чтобы сделать земли нджемпс цветущими. Будет ли комиссар помогать нам?

Комиссар сказал, что завтра же поедет в Найроби и доложит там обо всем, что сказали ему вамзее.

— Мы не просим денег, — сказал один из старейшин. — Но на дороге в Найроби мы видели как-то машину с длинной рукой, которая умеет рыть каменистую землю. Будет хорошо, комиссар, если и нам на пару недель одолжат такую машину.

Комиссар сдержал слово и через несколько дней приехал из столицы с тремя парнями в черных костюмах, белых нейлоновых рубашках и ярких галстуках. Старейшины недовольно роптали, считая, что эти городские франты не заменят им экскаватора. А горожане, полазав по кустам и болотам, разорвав колочки пиджаки и измазав в тине брюки, через неделю сами пришли к старейшинам и попросили их созвать новую баразу.

— Уж не будете ли вы убеждать наших юношей затягивать себе шеи этими веревками? — осведомился один из старейшин, показывая на галстук.

— Нет, мы расскажем вашим мужчинам и женщинам, как строить канал, — ответили горожане.

Через два дня баразу собрали. Говорят, эта была самая большая бараза в истории племени. Горожане объясили, что, прежде чем приехать сюда помочь людям нджемпс, они целых шесть лет учились рыть каналы и обводнять землю — один в Москве, второй в Софии, третий в Лондоне. Больше во всей Кении нет инженеров, знакомых со строительством обводнительных каналов. Поэтому нджемпс должны не смеяться над тем, что они ходят в галстуках, а прислушаться к их советам.

— Посмотрите на ваше озеро, — говорили они. — Оно лежит как бы на дне ямы, а поля — высоко на ее краях. Даже если вы выроете каналы, разве вода пойдет по ним снизу вверх?

— Нет, — разочарованно согласились одни нджемпс.

— Наверное, нет, — посомневавшись, сдались и другие.

— Можно, конечно, поставить специальные машины и заставить озеро поить ваши поля. Но земля здесь такая, что, если ее много поливать, она очень скоро сделается соленой и вообще перестанет родить.

— Не может быть! — возмутились нджемпс — Вы просто не хотите, чтобы мы строили канал.

— Нет, мы хотим, чтобы вы построили каналы и чтобы они принесли вам как можно больше пользы, — ответили горожане. — Только каналы эти должны не нести воду на ваши поля, а отводить ее избытки прочь.

— Эти юные наглецы вырядились в брюки и думают, что теперь им можно насмехаться над всем народом, — взмахнул палкой Оле Лемугут. — Пора гнать их отсюда!

Заждавшиеся мораны — молодые воины, в чьи обязанности входит воевать с соседями и мстить обидчикам, — уже готовы были осуществить эту идею старейшины, но тут вмешался комиссар.

— Старый обычай нджемпс позволяет высказываться любому человеку, что бы он ни говорил, — подняв вверх опа-

хало из жирафьего хвоста, с улыбкой произнес комиссар. — Пусть молодые люди не правы, но мы-то, старики, должны вести себя правильно. Выслушаем их.

Мораны недовольно отступили, а горожане, решив перейти к наглядной агитации, предложили всем желающим пойти за ними. И тогда почти пять тысяч нджемпс встали и следом за горожанами отправились на южный берег озера Баринго.

Здесь, со стороны центральных нагорий, в Баринго втекает множество рек — Паркерра, Моло, Оль Арабель. Долины их изобилуют болотами, а водораздел Моло с рекой Сантаи, текущей в обратную сторону, в соседнее озеро Хэннингтон, почти не выражен. В общем, еще совсем недавно Баринго и Хэннингтон были единственным обширным водоемом, ныне разделенным полосой усыхающих болот. Именно здесь, на дне этого бывшего водоема, покрытого плодородными илистыми почвами, молодые инженеры и предложили нджемпс создавать свои поля. Надо было лишь отвести с помощью каналов излишки воды да решить, что сажать.

Нджемпс о чем-то долго спорили, причмокивали языками, а потом начали хлопать себя ладонями по лбу. Очевидно, они удивлялись, как это сами не додумались хозяйствовать именно здесь.

— И что, соль не испортит земли? — осведомился кто-то из старейшин.

— Нет, эти почвы возникли в условиях избытка влаги, и поэтому с ними ничего не случится.

А услышав, что осушение болот позволит к тому же извести комаров и избавиться от досаждавшей людям малярии, нджемпс окончательно склонились в пользу проекта, предложенного горожанами.

И, когда три инженера, так и не очистив брюки от болотной тины, садились в комиссиарскую машину, чтобы ехать в Найроби, сам Оле Лемугут отдал им честь, приложив руку к львиной шапке, и с чувством произнес:

— Асантене сана, асантене! («Большое спасибо!»)

— Асантене сана! — поддержали его все нджемпс, а мораны подняли высоко вверх копья, на остриях которых ветер трепал помпоны из страусиного пуха — символы мира.

Осушительные каналы начали строить на следующий же день. Потом из столицы прислали «машину с длинной рукой» — экскаватор, а также агронома, который стал помогать нджемпс советом и делом. Так родился первый на земле нджемпс кооператив — «хозяйство, в котором все всё делают вместе», по определению Оле Лемугута.

По совету агронома нджемпс стали сажать на новых полях лук. Сами нджемпс лука не едят, но одна компания в Накуру платит за него неплохие деньги, и потому нджемпс продолжают сеять нелюбимый лук, а на вырученные от него средства покупают то, что им по вкусу.

Присмотревшись к землемельцам и уверовав в успех их коллективного начинания, решили объединиться и рыболовы — нджемпс и тugen. Они тоже пошли к комиссиару и выхлопотали заем, на который купили моторный бот, восемь лодок и нейлоновые сети. На большее займа не хватило, больше ста пятидесяти рыбаков продолжают пользоваться лодками местной конструкции — из дерева амбач, которое легче пробки. Маленький кооператив стал добывать по тонне рыбы в день, и вскоре ему удалось выплатить заем и заинтересовать власти в дальнейшем развитии рыбного промысла на озере Баринго.

Достопочтенный Оле Лемугут признает, что после того, как нджемпс, создав кооперативы, начали выращивать «этот воюющий лук» и завели нейлоновые сети, жизнь у них стала мзури сана — очень хороша.

Когда я однажды загорал на берегу озера, он подошел и просиял:

— Вот! Даже вы, мзунту (европейцы), считаете, что в наших местах не надо навешивать на себя лишнее тряпье. А наша молодежь, с тех пор как здесь побывали эти три парня из Найроби, решила, что, напялив штаны, она сразу станет такой же умной. Мода, что ли, на брюки пошла...

Когда же я пересказал этот разговор комиссиару, тот расценил увлечение брюками как признак роста материального и культурного уровня нджемпс.

Сергей КУЛИК

Найроби — Москва

«ДЕРЗАЙ БЫТЬ ВЕЛИКИМ!»,

ИЛИ
КАК БЫСТРО И БЕЗ ТРУДА СТАТЬ МИЛЛИОНЕРОМ
В ОБЩЕСТВЕ «РАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ»

Эта история — о том, как я чуть не стал миллионером, — случилась в местечке Франкенталь, что под Людвигсхафеном. Началась она с того, что я краем уха услышал о некой американской фирме, бравшейся сделать миллионером каждого, кто рискнет уплатить вступительный взнос в размере 12 тысяч марок (100 марок = 28,5 рубля). Название фирмы не оставляло в том сомнений: «Dare To Be Great!», то есть «Дерзай быть великим!».

Я и решил дерзнуть.

И вот я в уютном зале гостиницы в местечке Франкенталь. Секретарь «курсов миллионеров» зарегистрировал меня как Бернхарда Роземана, прибывшего из Франкфурта-на-Майне на автомобиле, взятом напрокат. К концу недели здесь, в гостинице «Паркотель цум курфюрстен», я буду знать, как зарабатывать по 100 тысяч марок в год или даже больше, если только я этого захочу.

Нас пятьдесят человек. Мы храним благоговейное молчание, как в церкви. Я пристроился в первом ряду у самого прохода, носки моих ботинок упираются в небольшое возвышение наподобие сцены, покрытое толстым разноцветным ковром. Он тоже напоминает о церкви — такими ковриками покрывают алтари в деревенских костелах.

Посреди возвышения — стол под белой скатертью, а на нем полуоткрытый черный чемоданчик. Издали не видно, что там внутри. Похоже, какие-то приборы.

Слева от стола большая грифельная доска, в левой части которой написаны мелом таинственные числа: 1, 4, 5, 36, 54. Над столом висит портрет: атлетического сложения, темноволосый голубоглазый мужчина, улыбаясь, сидит в кресле, закинув ногу на ногу и опершись локтем о колено, смотрит прямо перед собой. Под картиной желтая табличка, на ней красными буквами выведено: «Вот кто дал нам эту возможность. Гленн У. Тэрнер. Звезда среди звезд. Воздадим ему хвалу!»

Тем временем у меня за спиной что-то происходит. Оборачиваюсь и вижу: со стула поднимается блондин лет тридцати. Он делает несколько шагов назад и вдруг с неожиданной ревностью устремляется к сцене. Он берет такой разгон, что едва не врезается в нее. При этом блондин что есть мочи вопит: «Гоу-гоу-гоу-гоууууу!», что в переводе с языка американских футбольных болельщиков означает примерно: «Давай, давай!» С каждым слогом мощь крика нарастает. У меня того гляди лопнут перепонки. Тут блондин выбрасывает вперед кулак — вроде бьет невидимого противника в скулу — и начинает говорить:

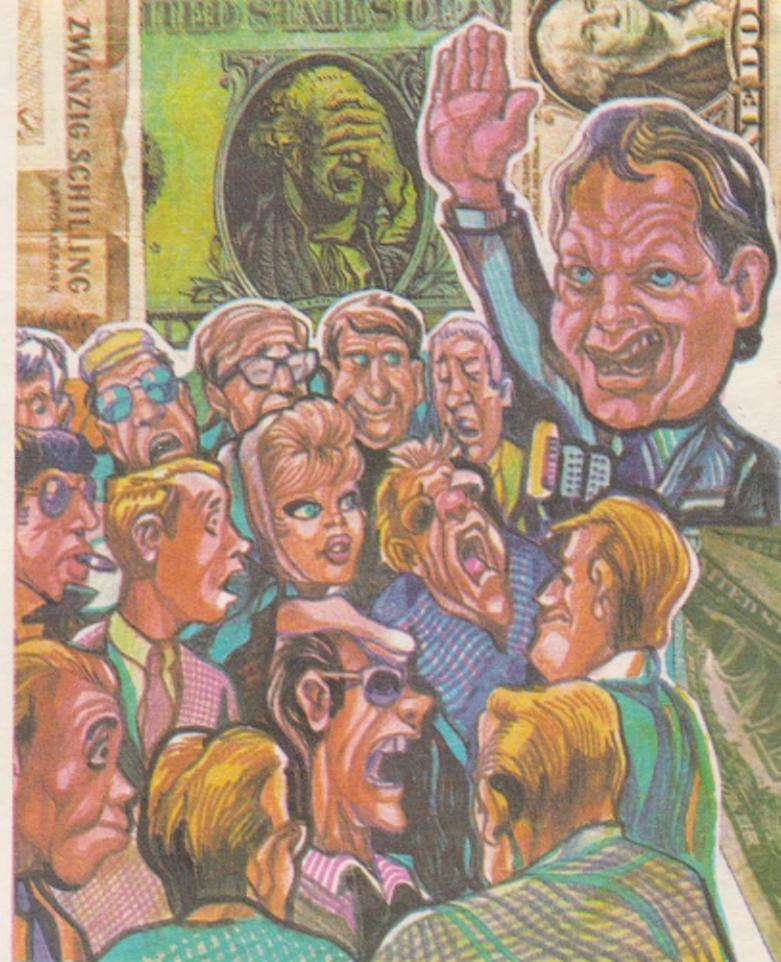
— Приветствую вас, дамы и господа! Меня зовут Герд Рихтер. Как торговый агент фирмы «Дерзай быть великим!» я призываю вас: приложите все силы, чтобы добиться успеха! Сегодня ваши глаза увидят, а уши услышат, каким образом вы сможете поднять свой доход до такой высоты, от которой у вас дух захватит. Вы будете зарабатывать в год 30, 50, 80, 100 тысяч марок! Даже больше! Все это вам обеспечит философия Гленна Тэрнера «Дерзай во имя успеха!».

И снова правый кулак режет воздух, и в зал летит громоподобное «гоу-гоу-гоу-гоууу!».

«Гоу-гоу! Мани-мани!» — скандирует зал. «Мани-мани» означает «деньги-деньги».

Тут выясняется, что блондин — всего-навсего герольд, возвещающий появление более важной персоны.

— А теперь, — говорит он, — позвольте представить вам фантастического молодого человека, который достиг невероятных успехов. Поприветствуем его! Руководитель западногерманского филиала нашей фирмы... го-спо-дин... Фред Лизики!

Я и стены вздрогиваем от «гоу-гоу-гоу». На сцену взлетает новый субъект. Он повторяет маневр первого: рывок вперед — крутой поворот — взмах рукой — «гоу-гоу-гоу!».

Господину Йоханнесу Фридриху Лизики 32 года. Он главное действующее лицо спектакля и действует точь-в-точь как директор цирка, который вышел раскланяться на манеж после успешного выступления одного из своих клоунов. Похлопав по плечу своего герольда-блондина, он отпускает его.

И начинаются уроки в школе для начинающих миллионеров. Сегодня и завтра Фред Лизики будет говорить, говорить и говорить, грозно повышать и доверительно понижать голос, хватать «понятливых» и проклинать сомневающихся, то и дело ссылаясь на своего заокеанского шефа Гленна Тэрнера.

Довольно скоро я уяснил себе следующее. Чудо-система строится на простом фокусе. К «великой философии Гленна Тэрнера» приобщается тот, кто готов уплатить взнос в 12 210 марок. Завербовав хотя бы одного нового кандидата в миллионеры, который тоже внесет 12 210 марок, ты получаешь половину этих денег плюс титул «независимого торгового агента». Второй завербованный клиент полностью окупает твои расходы, а с третьего ты уже имеешь чистую прибыль. Следующий этаж пирамиды построен точно таким же образом: двое новых агентов обеспечивают школе минимум четырех новичков, последние должны завербовать еще минимум восемь, и так далее. Подобная «система пирамиды» запрещена у нас в ФРГ как откровенное жульничество.

По-настоящему хорошо на этой операции «зарабатывает» только сам Гленн Тэрнер. Кое-что, впрочем, перепадает и тем, кто успел включиться в игру в числе первых. А сколько же людей остается в дураках...

Впрочем, ученики этого не знают и знать не хотят. Да им об этом и не говорят. Они приехали во Франкенталь на двух автобусах из Мюнхена и Франкфурта-на-Майне, чтобы стать миллионерами. И они ими станут, черт возьми! «Гоу-гоу-гоу!» Так говорит сам Фред Лизики, пророк великого Гленна Тэрнера.

Вот он передо мной — Фред Лизики, довольно-таки тщедушный человек, который старательно вытягивается во все свои 168 сантиметров, — тоже хочет выглядеть великим. На нем темно-синий, в обтяжку, костюм с глухим воротником а-ля Мао и ботинки под крокодиловую кожу, на высоких каблуках. «Фантастично, великолепно, невероятно, потрясающе!» — через слово кричит он.

Господин Лизики берет кусок мела и медленно идет вдоль доски, бормоча какое-то заклинание, должно быть магическую

формулу получения прибыли, затем берет губку и задумчиво проводит ею по чистой доске. А в зале начинается сперва еле слышное, но постепенно нарастающее гудение: «М-м-м-м-м...» Человек у доски взмахивает рукой, и гудение переходит в ритмичное «мани-мани».

Наконец Фред Лизики открывает тайну чисел 1, 4, 5, 36, 54. Он объясняет, что получилось с течением времени из 100 новорожденных: один стал богатым, четверо — материально обеспеченными, пятеро еще надрываются на работе, тридцать шесть умерли, а 54... (эффектная пауза) разорились в пух и прах!

Крупными буквами рядом с числом 54 господин Лизики пишет: «Разорились» — и торжествующе оборачивается под одобрительный смех в зале. Удар в сколу невидимого противника, и зал гремит: «Гоу-гоу-гоу!» Лизики вздыхает сжатый кулак, воцаряется тишина.

Упомянув вскользь, что сам он родом из Кельна, был слесарем, а последние тринадцать лет прожил в Америке, Фред Лизики застывает в трудной позе, устремляя взгляд в пространство и медленно, подчеркивая каждое слово, произносит:

— Всего пять процентов финансово обеспечены, — и вдруг он срывается на отлично отрепетированый вопль: — А девяносто пять процентов абсолютно разорились! Абсолютно!

Тех, кто надрываеться на работе, поясняет господин Лизики, можно приправить к мертвцам, а последних нельзя не причислить к разорившимся. Он грозно хмурится и целился указательным пальцем в напуганный зал:

— Куда вы хотите попасть: в пять процентов добившихся успеха или в девяносто пять разорившихся?

В зале мертвя тишина. Никто не хочет ни надрваться на работе, ни быть мертвцем. Господин Лизики успокаивает притихших кандидатов в миллионеры: им-то ничто не угрожает! Все облегченно вздыхают. Оказывается, нет ничего страшного, оказывается, и сам Фред Лизики разорился, и даже трижды:

— Но два года назад, после третьего банкротства, когда оценщики уже выносили мебель из моего дома, я пообещал рыдающей жене, что скоро она будет разъезжать в «кадиллаке», — его голос вновь перерастает в крик: — И всего через неделю она уже разъезжала в «кадиллаке»!

Тут наш бывший слесарь из Кельна выпускает кота из мешка. Он показывает пальцем на портрет Гленна Тэрнера:

— Я уже смирился с мыслью, что мне никогда не повезет, и вдруг встретил этого удивительного молодого человека. Он сказал мне: «Ты должен поверить в успех и тогда добьешься его». И через неделю я уже сидел за рулем «кадиллака»!

Фред Лизики на какую-то долю секунды задерживает на мне взгляд. Разумеется, и я хочу добиться успеха. Но еще больше я хочу, чтобы никто не узнал, зачем я здесь. Мне и без того было нелегко сочинить правдоподобную историю своей жизни. Слава богу, документов никто не спросил. Никому и в голову не приходит, что «шофер Роземан» и фигурирующий во франкфуртской телефонной книге «редактор Розема» — одно и то же лицо.

«Гоу-гоу!» Господин Лизики продолжает сеанс массового гипноза. Без конца пишет и стирает цифры, время от времени восклицая: «Мани! Мани!» Рассказывает уйму историй о деньгах, о прибылях, о тех, кто добился успеха. То и дело цитирует своего босса, божественного и неповторимого Гленна Тэрнера, ставя его в один ряд с Наполеоном, Эдисоном и Колумбом. О, этот Тэрнер! Ему сейчас всего 38 лет, а работают на него по различным сведениям от 200 до 600 тысяч человек, то есть втрое больше, чем в автомобильном концерне «Фольксваген!» Прежде чем сколотить за четыре года состояние в 100 миллионов долларов, Гленн Тэрнер пережил тридцать банкротств, гордо сообщает трижды банкрот Фред Лизики — «три больших и двадцать семь маленьких»!

— Итак, — подытоживает Лизики, — Гленн тридцать раз ра-

зорялся. Появился на свет с заячьей губой. А теперь он стократный миллионер, владелец 59 концернов! Разве это не потрясаёт?

Блестящая карьера бывшего мойщика посуды Гленна Тэрнера не может оставить равнодушными нас, собравшихся во Франкфурте, — служащих бензозаправочных станций, слесарей, домашних хозяек, клерков, владельцев книжных лавок, торговцев коврами и коммивояжеров.

Но кто же из нас, собравшихся в этом зале, добьется успеха? Рядом со мной в первом ряду, умышленно разделенная двумя агентами фирмы, сидят супружеская чета Груберов (имена лиц, пассивно участвовавших в бизнесе Тэрнера, изменены. — Авт.). Он — токарь из Висбадена. Ему на вид лет 25, ей — 22. Как и другие кандидаты в миллионеры, они принарядились для этого необычного уик-энда в окрестностях Франкфурта. Вечером они подпишут договор, хотя за душой у них нет и лишнего пфеннига: только недавно поженились, одних долгов на 7 тысяч марок, как признался мне сам Грубер. Но завтра в сопровождении агента они пойдут в банк общества Тэрнера и возьмут ссуду для взноса (в долг, разумеется).

Груберы попались на удачу так. Однажды вечером у них зазвонил телефон. Мужчина на другом конце провода сказал, что ошибся номером. Но слово за слово они разговорились, и незнакомец сообщил, что за одну неделю заработал восемь тысяч марок. Не хотят ли они последовать его примеру? В следующую среду они встретились в Майнце на «гоу-митинге». Это была первая стадия психотерапии. Подобные «митинги» проводятся регулярно также в Мюнхене, Аугсбурге, Гейдельберге и Франкфурте-на-Майне. Участникам представляют последователей «системы Тэрнера», которые «уже сделали деньги».

Когда Груберы клюнули на первую приманку, строители пирамиды Тэрнера могли считать, что жертвы у них в руках: кто отправляется в «гоу-турне», уже не возвращается на стезю добродетели. Если в Майнце Груберов еще раздирали сомнения, сейчас они «убедились во всем окончательно».

Тот, кто продолжает сомневаться или задает слишком много вопросов, зачисляется в категорию «негативных людей», а ведь всем известно, что философия Гленна Тэрнера строится на «позитивном мышлении» и рассчитана на «позитивных людей». Это убедительно демонстрирует в воскресенье Фред Лизики. Наставив указательный палец на человека в третьем ряду, он грозно рычит:

— Не могу понять, откуда берутся типы, которые не верят в успех и глупо ухмыляются! Не лучше ли им убраться?

Мужчина поднимается и с пунцовыми лицом бредет к выходу, а Фред Лизики добивает его:

— О господи! Находятся же такие люди! До конца своей жизни он так и останется неудачником, ему нечем будет побаловать свою женушку. А дети когда-нибудь спросят его: почему ты ровным счетом ничего не добился в жизни? Господи, избавь меня от того, чтобы его дети учились в одной школе с моими детьми!

Этот мужчина, автомеханик из Фюрстенфельдбрука, оказывается единственным среди всей публики, кто заподозрил мошенничество. Еще в субботу, когда господин Лизики «вызывал к доске» сначала проверенных агентов, а затем и «гостей», в том числе меня, заставляя всех выступать с «критическим самоанализом», автомеханик с баварским упрямством не двигался с места. Ясно, что он абсолютно «негативный» человек.

Лизики рисует на доске большой прямоугольник, символизирующий, по его словам, человеческую жизнь. Затем делит прямоугольник пополам горизонтальной линией и рисует сверху плюс, снизу минус.

— В этом — секрет философии Гленна Тэрнера, — объясняет Лизики. — Вверху позитивные люди, внизу негативные. С кем вы предпочитаете быть?

В правом верхнем углу он ставит 5 процентов, в нижнем — 95. Страхуясь от бесполезных вопросов, пишет вверху: «Успех», внизу: «Банкротство».

Теперь я знаю основные принципы «философии Гленна Тэрнера»: позитивно мыслить, избегать общения с людьми негативными, возродить веру в собственные силы, верить в успех, стремиться войти в число пяти процентов избранных. Тот, кто входит в предприятие Тэрнера с 12 210 марками, получает на руки весь курс «философии», записанный на 30 магнитофонных кассетах. Кроме того, кандидату в миллионеры выдают портативный магнитофон (подлежащий возврату), некоторые печатные материалы и «дипломатический» чемоданчик. Точно такой чемоданчик и установлен на алтаре. Он предназначен для хранения «курса философии» Гленна Тэрнера в виде трех книжек карманного формата, которые, сетует Лизики, пока выпускаются только на английском языке. Из будущих миллионеров почти никто не владеет иностранным языком, но что из того? С равным успехом им можно было бы всучить чемодан с дровами, оговорившись, что он поможет им разбогатеть.

Господин Лизики поочередно вызывает нас к доске и интересуется: во-первых, тем, как происходит усвоение «материала», а во-вторых, нашими финансовыми возможностями. Он начинает свой опрос с «чрезвычайно интересного, фантастического молодого человека», а именно — с меня. Вытолкнутый на сцену десятком рук, я смущенно пожимаю плечами, демонстрируя полное невежество в «философии Гленна Тэрнера». Я даже спрашиваю, нужна ли она вообще.

— Как так? — вопрошает господин Лизики строго, но пока дружелюбно.

— Ну да, — делаю я еще один рискованный ход, — ведь система функционировала бы даже в том случае, если бы в чём-то были дрова.

Но Фреда Лизики не так просто сбить с толку. Он умело направляет в нужное русло разыгравшееся было в зале веселье.

— Потрясающее! Просто потрясающее! — восклицает он. — Этот парень быстро все скумекал.

Оказывается, новичок, получив курс «философии», не имеет права «перепродаивать дальше» это благоприобретенное ничто. Считается, что он пока приобщился к миллионному бизнесу пассивно и находится в «фазе № 1». Следующий шаг — переход в «фазу № 2». Для этого, правда, нужно опять потратиться — внести 6600 марок. Зато ты становишься обладателем еще шести кассет и одной книги, а главное, получаешь возможность обогащаться за счет других. Отныне ты «независимый торговый агент» и получаешь долю от взноса всех новичков, которых тебе удается завербовать. Львиная доля доходов достается, разумеется, не тебе, а тем, кто стоит выше. Но дураков, которые охотно делили бы с другими свою прибыль, нет, и ты вправе шагнуть еще на ступеньку, в «фазу № 3», — естественно, уплатив «разницу» в 5500 марок.

Разгадать всю подлость этой игры в миллионеров, при которой истинные тунеядцы загребают колоссальные суммы, можно, лишь вооружившись карандашом, а то и компьютером, чтобы вычислить, какие прибыли извлекают из своего предприятия мистер Тэрнер и его западногерманский пророк.

Такой подсчет произвел генеральный прокурор штата Пенсильвания. Если бы каждый «агент» вербовал всего-навсего одного клиента в месяц и если бы каждый последующий кандидат в миллионеры действовал в таком же темпе, то пирамида Тэрнера в течение 12 лет должна была бы охватить 8 916 100 448 256 человек, что в 2500 раз превышает население земного шара. В своем обвинительном заключении прокурор заявил с библейской ясностью: «Большинство тех несчастных, что вложили свои средства в систему Тэрнера, — невинные агенты, мечтавшие о небесном блаженстве, а попавшие на земную бойню. Они влезают в долги и жертвуют последними сбережениями. По крайней мере, трое из четырех обречены на разорение».

Обо всем этом предназначенные на убой агенты во Франкфурте не подозревали. На «гоу-митинге» во Франкфурте-на-Майне их даже заверили, что «философия Гленна Тэрнера о позитивном мышлении преподается в семи университетах Соединенных Штатов». К сожалению, Фред Лизики не сообщил ни подробностей об этих университетах, ни, конечно, о том, что «система Гленна Тэрнера» запрещена, по крайней мере, в 35 американских штатах.

Меня «завербовал» некто Вальтер Герлах, тот самый агент, что изобрел трюк с телефоном, — торговец коврами из Наугайма, тщательно скрывающий свои 50 лет модной бородкой. Он по секрету сообщил мне, что вскоре собирается открыть собственную суборганизацию: «Надоело бегать и называнивать, как идиот». Этой мыслью бредят все, кто наслушался Фреда Лизики. Собственная организация со многими ответвлениями, от которых непрерывно отпочковываются новые, — мечта мелких буржуа, приехавших во Франкфурт. Все они снуют сейчас взад и вперед в поисках новичков, чтобы окупить свой вступительный взнос. Фред Лизики всякий раз одобряет новое приобретение двумя заклинаниями: «Гоу-гоу» и «м-м-м-м-мани!» Мне это вконец осточертело, но не так-то просто выбыть из игры незаметно.

В тот вечер, когда я собираюсь это сделать, руководство уже в который раз решает взыскать с присутствующих плату за гостеприимство: каждый должен поставить свою подпись на очередном обязательстве. Того, кто посмеет уклониться от процедуры, ждет массированная психотерапия. Я пытаюсь отговориться тем, что должен навестить богатую подругу, у которой-то занимаю деньги, но мой торговец коврами пытается перехитрить меня, доказывает, что я могу совершенно спокойно подписывать, поскольку, мол, договор вступит в силу лишь после того, как деньги будут выложены на бочку. Я стою на своем, и тогда на меня напускают некоего Джека Джеклака, обладателя мощных бицепсов и громкого титула «вице-президента» фирмы. Фред Лизики считает его своей «дубинкой», которой пользуется в исключительных случаях.

Пристально глядя на меня, Джеклак произносит:

— Сейчас я обойду всех, и каждый должен будет мне сказать, когда и с кем он отправится в банк.

Я уж приготовился опять плести историю о богатой подруге, да выручил Герлах, посоветовав Джеклаку дать мне еще вечер на размышления. Но в покое меня не оставили. Ко мне подходит блондинка по имени Кристина. Я прикидываюсь круглым идиотом и продолжаю удивляться, каким образом можно «расширить торговлю», если «чемодан с дровами» вовсе не нужен.

— Ничего, — отвечает с обезоруживающей откровенностью Кристина, — завтра вы посмотрите фильм с участием Гленна Тэрнера. Он сам говорит: «Меня часто спрашивают, что мы, собственно, продаем. Что правда, то правда, — мы и в самом деле ничего не продаем».

Кристина глубоко убеждена, что стоит мне посмотреть фильм — и я безоговорочно поверю в Тэрнера. Фред Лизики так представил мне ее:

— Кристина назначена лично Тэрнером ассистенткой по ФРГ. Ей выпала честь переводить на немецкий многие магнитофонные записи речей Тэрнера.

Если кто-то и одержим «философией» Тэрнера по-настоящему, так это Кристина. С месяц назад умер ее брат, а она в это время была в Америке.

— Когда мне сообщили об этом по телефону, я сказала: ну и что, ведь теперь ничего не изменишь. Конечно, мне было грустно, но я знала, что мое место там, возле Тэрнера. В моей семье было всего пять человек, нуждавшихся в моей помощи, а семья Гленна Тэрнера насчитывает сто тысяч человек!

Рядом с таким откровением даже «гоу-гоу-гоу» ласкает слух...

И в самом деле, на следующий день мы имеем счастье лицезреть на экране самого маэстро, который, для того чтобы подчеркнуть собственное величие, всюду возит с собой двух лилипутов. В кино он не так красив, как на портрете, — ниже ростом и потолще. В течение часа он мечет с экрана громы и молнии. Тот, кто до сих пор еще не был доведен до кондиции, после просмотра фильма окончательно размягчается. — психотеррор достигает апогея. Всякий раз, когда этот человек в шелковом костюме впервые в зрителя указательным пальцем, мне кажется, что я вижу всем известного Дядю Сэма, который говорит: «I want you!» — «Ты мне нужен!» По окончании фильма на экране остается огненный росчерк — «Гленн Тэрнер: «Да благословит вас бог!»

Нет, сэр, я не желаю ни благословлять вас, ни получать ваше благословение. В понедельник я отсылаю своему вербовщику Герлаху бланк договора. Я чертовски рад, что не стал миллионером. Меня также радует, что под безобидной маской фотографа-любителя мне удалось сделать несколько снимков в «семейный альбом». Некоторые получились нерезко, потому что я попросил одного будущего миллионара снять меня вместе с группой «однокашников», а он сделал несколько лишних шагов вперед. Жаль. Но в конце концов прокурору так или иначе придется взглянуть на эту контуру с более близкого расстояния, если он хочет рассмотреть, что там творится.

Гоу-гоу-гоу, господин прокурор!

Перевел с немецкого Е. БОВКУН
Рис. И. Чуракова

ПОСТСКРИПТУМ „РОВЕСНИКА“

ГОУ-ГОУ-ГОУ, Г-Н ПРОКУРОР?

Итак, рядовой налогоплательщик Бернхард Роземан не проявил способностей к ремеслу миллиона. Зато журналисту Бернду Роземе повезло гораздо больше: он написал острый репортаж о том, как окоплачивают легковерных в конторах типа «Дерзай быть великим!». Заокеанский жулик Гленн Тэрнер, который после «трех больших и двадцати семи маленьких банкротств», а главное, после бесчисленных крупных и мелких афер стал миллионером, — фигура вполне реальная. Этому ловчаку из Южной Каролины принадлежат около 60 различных предприятий: от ферм по разведению кроликов до косметических фирм и обувных фабрик. В их число входят и заграничные филиалы наподобие «Дерзай быть великим!».

Что же произошло после сенсационного разоблачения, сделанного корреспондентом франкфуртского журнала «Пардон» Бернтом Роземой? Казалось бы, мошенников вывели на чистую воду, и они должны предстать перед судом... Не тут-то было. Фред Лизики и его «ассистенты» сочли себя — разумеется, с дозволения Тэрнера — смертельно оскорблёнными и (лучшая защита — наступление) пошли войной на журнал. Дело слушалось в земельном суде Баден-Вюртемберга в городе Эльванген. Суд отклонил смехотворный иск Лизики и компании. Под нажимом общественности, требовавшей наказать жуликов, мюнхенская прокуратура предложила суду присяжных начать уголовное дело против гастролеров из «Дерзай быть великим!». На том пока все и кончилось. Фирма благополучно продолжает вербовать простаков на «курсы миллионеров». Она давно уже пышно отметила первую годовщину своей деятельности в ФРГ. Нельзя сказать, чтобы ловчаки из компании Гленна Тэрнера не сделали никаких выводов. С тех пор как «Бернхард Роземан» навсегда был вычеркнут из списков кандидатов в миллионеры, Фред Лизики самые грандиозные свои сборища перенес в... Цюрих, на территорию Швейцарии.

«Я И ДЖАЗ РОДИЛИСЬ ВМЕСТЕ.»

Леонид ПЕРЕВЕРЗЕВ

Почти три года прошло со дня смерти Луи Армстронга. Но его творчество продолжает оказывать огромное влияние на развитие джазового искусства. О джазе вообще много говорят. О джазе часто спорят. По-разному относятся к нему и наши читатели, обращающиеся в редакцию с просьбой поговорить о проблемах и людях джаза.

Творчество Луи Армстронга, пожалуй, — лучший способ повести такой разговор.

ЛУИ САТЧМО АРМСТРОНГ — трубач, певец и актер — был самым популярным из всех исполнителей, когда-либо поднимавшихся на эстрадные подиумы. Ни один артист не пользовался столь массовым успехом на протяжении столь долгого времени: об этом говорит статистика тиражей его грампластинок, количества концертов, данных на всех континентах, кино- и телефильмов с его участием.

Одновременно Армстронг меньше всего соответствовал типу эстрадного героя, вознесшегося в сиянии славы над толпами поклонников; он всегда находился рядом с ними и среди них. Его называли «философом повседневности», и он выполнял одну из тех необходимейших функций музыки, которой склонны забывать артисты, предвзимущие на служение слишком уж «возышенным» эстетическим идеалам.

Армстронг играл и пел о самых простых и вместе с тем жизненно важных вещах: о голода и жажде, об одиночестве и бесприютности, о неразделенной любви и бедности, о том, как нелегко жить в Америке человеку с черной кожей и каково быть нижненным и оскорблением, оказавшимся на нем, независимо от того, негр ты или белый.

Он был предельно откровенен и не щадил чувствительности тех, кто хотел бы отвернуться и пройти мимо грубых, порой отталкивающих сторон реальности с таким видом, будто ничего подобного вообще не существует на свете.

НО ПРИ ЭТОМ АРМСТРОНГ НИКОГДА не стремился разжалобить или расстроить своих слушателей. Он заставлял их погрузиться вместе с ним в бездну глубочайшей горечи и, достигнув самого дна, говорил: «Ну вот, дальше уж некуда». И сразу же вслед за тем расплывался в своей знаменитой улыбке, весело подмигивал и продолжал: «Вы думаете, все кончено? Ничего подобного, все еще только начинается! Ведь мы все-таки люди, не так ли? Поэтому давайте радоваться встрече друг с другом и со всеми хорошими людьми на земле!» И он показывал своей музыкой, как надо и как можно радоваться по-настоящему: умом, сердцем и всем существом, без остатка отдающимся игре, песне, танцу...

Покоряющая правда и красота его произведений открывается прежде всего не теоретизирующему, а «наивному» восприятию; аналитический подход в данном случае лучше отложить на вторую очередь. Те, кто готов принять подобное условие, вознаграждаются редким переживанием: незаметно для себя они втяиваются в процесс прямого музыкального действия, становятся соучастниками творческого акта и проникаются ощущением непосредственного личного бытия в музыке.

Какими же средствами достигал он своей цели, у каких учителей, в каких школах научился столь уверенно и властно вести за собой аудиторию, включающую пред-

ставителей всех национальных, культурных и возрастных групп?

Из множества легенд, окружавших имя Армстронга еще при жизни, особенно часто приводят одну. Некто спросил у него, что такое джаз, и услышал в ответ: «Если вы об этом спрашиваете — значит, вы никогда этого не поймете».

Легенда эта не кажется правдоподобной. Армстронг охотно говорил о джазе и на редкость проницательно писал о его природе в двух своих автобиографических книгах. А будь он менее скромен, он мог бы перефразировать знаменитый афоризм своего тезки — Людовика XIV — и ответить на заданный вопрос вполне точно и лаконично: «Джаз — это я». Ибо весь жизненный путь Армстронга образует удивительно тесную параллель с историей и судьбой самого джаза.

ЛУИ АРМСТРОНГ ПОЯВИЛСЯ НА свет в Нью-Орлеане 4 июля 1900 года, «выбрав» исключительно подходящее место и время для того, чтобы оказаться свидетелем и активным участником событий, знаменующих собой становление и первые самостоятельные шаги джазовой музыки. «Я и джаз родились вместе», — вспоминал он тридцать пять лет спустя.

Основной фон его детства составляла жалкая и жестокая реальность нью-орлеанского дна, смягченная заботливой любовью его бабки и матери. И конечно, рядом с ним всегда была музыка. Сначала негритянские псалмы — «спирчук» и евангелические песни «госпел сонг»... «В церкви и воскресной школе я много пел. Полагаю, что именно здесь я и получил мои вокальные навыки...»

Вместе с этими навыками он получил и

свое прозвище: *Satchel-mouth* — рот-мешок. Последнее с течением времени сократилось до *Satchmo* и осталось за ним на всю жизнь.

Духовые песнопения, однако, составляли лишь одну сторону музыкального воспитания Луи. Другая, честно сказать, способна привести в смущение профессиональных педагогов. «Хонки-тонкс» — третьеразрядные забегаловки — были у нас на каждом углу, и в каждой из них звучали музыкальные инструменты всех сортов...

Малышей, разумеется, не пускали внутрь, но до начала вечерней программы почти все ансамбли имели обыкновение играть на бульваре с целью привлечения посетителей, и каждый состав, естественно, старался превзойти своих конкурентов...

«На углу улицы, где я жил, помещался знаменитый «Фанки Батт», и там я впервые слышал игру Бадди Болдена. Он дул в свою трубу, словно штормовой ветер. Должно быть, сама судьба устроила мне такое соседство...»

Судьба и в самом деле постаралась как можно прочнее включить Армстронга в эту художественную традицию, которая тогда лишь начинала складываться из множества дотоле разрозненных элементов и еще ждала того, кто должен был со временем придать ей необходимую целостность и совершенство.

Врожденная способность отличать хорошее от дурного как в жизни, так и в искусстве помогала маленькому Луи выбирать лучшее и наиболее перспективное из того, с чем сталкивал его случай. «Королем всех музыкантов был Джо Оливер, прекраснейший из трубачей, когда-либо игравших в Нью-Орлеане. Ни у кого больше не было столько огня и изобретательности. Его называли «Кинг» — король, — и он этого заслуживал...»

Впечатление, произведенное в детской душе этими исполнителями, предопределило дальнейшие пристрастия, музыкальные интересы и само призвание Армстронга.

«Тогда, в возрасте пяти лет, я еще не играл на трубе, но в этом инструменте было что-то такое, что неудержимо привлекало мой слух. Когда я был в церкви или «на второй линии», то есть маршировал позади духового оркестра, я внимательно прислушивался к различным инструментам, стараясь уловить, что и как они играют...»

ЕМУ НЕТРУДНО БЫЛО ПОСТОЯННО слушать своих любимцев. Те же самые оркестранты, которые вечерами работали в «хонки-тонкс» и дансингах, по воскресеньям играли в церкви и на молитвенных собраниях, аккомпанируя духовому пению прихожан. Подобная практика никого не шокировала: негры американского Юга никогда не проводили непреодолимых границ между светской и религиозной музыкой, вкладывая и в ту и в другую всю свою страсть, энтузиазм и темперамент. Особенно заметно проявлялось это в обряде похорон. На пути от церкви до кладбища оркестр играл надрывающую душу траурную мелодию «Улетел как птица к горам», с которой смешивались причитания, плач и горестные взоры родственников и друзей покойного.

«Но похоронная процессия в Нью-Орлеане исполнена скорби до того момента, покуда гроб не будет опущен на дно могилы. Тотчас после этого оркестр разражается одной из добрых старых мелодий вроде «Не погулял ли он в свое время?» — и все присутствующие оставляют свою печаль позади. Особенно когда Кинг Оливер играет последний квадрат октавой выше, чем обычно».

Четыре десятилетия спустя Армстронг реконструировал эти музыкальные сцены на долгоиграющей пластинке «Нью-орлеанские дни».

«Как только оркестр трогается с места, все следуют за ним, раскачиваясь из стороны в сторону, описывая зигзаги на мостовой от одного тротуара к другому, подхватывая на пути тех, кто опоздал на похороны. Среди этих людей — их-то и называли «второй линией» — оказывалось и много случайных прохожих, приставших к процессии из любопытства или из желания послушать музыку».

БУЛЬВАР, ЦЕРКОВЬ И ВТОРАЯ ЛИНИЯ были теми классами, где Луи прошел начальный курс общемузыкального образования. С инструментом он познакомился в возрасте тринадцати лет, когда судьба привела его в «Дом для цветных беспризорных». В приюте был духовой оркестр, и его руководитель Питер Дэйвис — человек, чье имя Армстронг всегда вспоминал с глубочайшей признательностью, — заметил музыкальную одержимость нового воспитанника, преподал ему основы игры на горне, а затем на корнете. Выйдя из дома через полтора года, он мог уже вполне сносно исполнять стандартный нью-орлеанский репертуар.

В ожидании подходящих случаев он разгружал пароходы в порту, развозил уголь и перебивался другими мелкими заработкаами, а когда выпадала удача, играл на похоронах рядом с ветеранами, среди которых был, конечно, и Кинг Оливер. Последний в тому времени уже хорошо знал самого восторженного и преданного из своих поклонников, успел привязаться к нему и взял под свое покровительство. «Папа Джо давал мне уроки музыки! Больше всего было и желать! Пределом моих честолюбивых грез была мечта играть так, как он. Джаз никогда не был бы таким, каким он стал, не будь на свете Джо Оливера...»

В 1922 году Кинг Оливер, обосновавшийся в Чикаго, куда после окончания войны стали стекаться многие мастера джазовой музыки, пригласил Армстронга в свой ансамбль вторым корнетистом.

В традиционном нью-орлеанском джазе отдельные голоса не выделялись на фоне коллективной импровизации. Исключение составляли «брейки» — перерывы в звучании ансамбля, дающие возможность тому или иному инструменталисту блеснуть своим мастерством на протяжении двух или четырех тактов. Кинг Оливер и Луи исполняли брейки вдвоем, сразу друг за другом, разработав для этого специальный прием: «Когда оркестр уже свинговал во всю, Кинг наклонялся ко мне, нажимая пальцами вентили своего корнета и воспроизводя те ноты, которые он собирался взять во время брейка. Я смотрел и одновременно обдумывал свой ответ на его предложение. Когда наступал брейк, у меня уже была готова мелодия, точь-в-точь подходившая к его фразе. Публика прямо с ума сходила».

ЗДЕСЬ И НАМ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ случай сделать свой «брейк» в жизнеописании музыканта, чтобы хотя бы кратко очертить границы явления, о котором мы ведем речь. Это джаз.

Ни один вид музыки не вносил в мир так много беспокойства. Едва появившись на свет, джаз сразу же завоевал себе фанатичных приверженцев (их так и называют — джаз-фэнзы) и приобрел стол же непримиримых противников. В публике часто называют джазом любой эстрадно-

танцевальный ансамбль, в составе которого есть саксофон или электрогитара. Но думать так — глубокое заблуждение. Спросите самих музыкантов, играющих в таких ансамблях, и лишь единицы из них причислят себя к разряду джазовых исполнителей.

Дело в том, что понятие джаза определяется отнюдь не составом оркестра и не его репертуаром. Джаз — это особый тип музыкального мышления и особая исполнительская манера, существенно отличающаяся от той, которая сложилась в профессиональной европейской музыке. Последняя, как известно, есть искусство прежде всего композиторское. Каждое новое произведение создается композитором в виде нотного текста, имеющего самостоятельное художественное значение. Такой текст может ждать годы и столетия, покуда исполнитель не превратит его в звучащую музыку. При этом исполнитель или оркестрвольны по-своему выразительно прочитать этот текст, но они не имеют права изменить в нем ни одной ноты. Положение здесь такое же, как в театре: актеры могут в широких пределах вариировать темп речи, интонации и тембр голоса, но авторское слово остается неизменным.

В джазе ситуация совершенно иная: композитор дает только тему — короткую музыкальную фразу или мотив, как бы очерчивающий белыми штрихами общий контур будущей пьесы. Наполнить этот контур сложным рисунком, придать ему объем, перспективу и красочность надлежит самим исполнителям. Каждый участник ансамбля начинает по-своему развивать и видоизменять начальную тему, импровизировать новые варианты, открывать в них все более тонкие оттенки мелодии, ритма и тембра звучания.

Джаз — это в первую очередь искусство исполнительское, здесь все зависит от таланта, фантазии и технического мастерства музыкантов. Но, пользуясь необыкновенной импровизационной свободой, они должны в то же время соблюдать строжайшую дисциплину и постоянно корректировать свои действия с предварительно разработанным общим планом пьесы. Их голоса могут расходиться и встречаться, перекликаться, обмениваться вопросами и ответами, вести задушевную беседу, подшучивать друг над другом, спорить и устраивать состязания в изобретательности и виртуозности.

И тогда происходит удивительная вещь: у слушателей появляется ощущение, что и они участвуют в этом коллективном музыкальном творчестве. Они стараются предугадать, какую именно новую вариацию знакомой темы сыграет сейчас пианист, сумеет ли саксофон в точности повторить, а затем и превзойти только что сыгранную головокружительную фразу трубы и удастся ли контрабасисту возместить недостаток ритмической энергии барабанщика, который сегодня оказался почему-то совсем «не в форме».

А быть в форме для джазмена — значит прежде всего ощущать в себе и придавать своей музыке непрерывную ритмическую пульсацию — так называемый *бит*. Кстати, совершенно неверно считать, что джазовый ритм — это просто громкое отбивание такта: во многих произведениях джаза *бит* звучит совсем тихо, он не столько слышится, сколько подразумевается. *Бит* составляет как бы фундамент для многоэтажной постройки, возникающий при переплетении и взаимодействии ритмических акцентов мелодии. Одни из этих акцентов совпадают с *битом*, другие опережают его, третий чуть отстает. Такая игра

акцентов воспринимается как некое волнобобразное раскачивание, легкое и непринужденное, но вместе с тем полное энергии и устремленного вперед движения. Подобное раскачивание — в джазе оно называется «синг» — приносит чувство полной ритмической, а вместе с ней и мелодической свободы, из которой вырастает импровизация.

Если у музыканта недостаточно развито чувство ритма, если он не слышит бит и не умеет свинговать, он никогда не сможет придавать плавность и непрерывность потоку мелодии и будет лишь мешать своим партнерам; если у него не хватает воображения для импровизационного развития темы, то ему просто нечего будет сказать своим слушателям. А ценители джаза обычно готовы простить исполнителю любые недовольства, технические дефекты и даже прямые ошибки при условии, что он все-таки сообщает им нечто новое, созданное им самим и предложенное аудитории абсолютно честно и искренне. В этом случае они щедро наградят его аплодисментами в процессе игры, но они останутся равнодушны, холодны и даже враждебны, если в его музыке они услышат лишь повторение не только чужих, но даже и его собственных старых импровизаций.

Бит, свинг и импровизация составляют нерасторжимое трио, лежащее в любой подлинно джазовой пьесы. У хотя бы один из этих элементов — и врушите джаз. Иными словами, вы у него именно тех специфических особенностей, которые дают нам право говорить о как об особом виде музыкального искусства.

АРМСТРОНГ БЫЛ ОДНИМ ИЗ основоположников.

Он формирует в 1925 году небольшой ансамбль, который назвал «Горячая ка Луи Армстронга», изменив через сколько времени название на «Горячую семерку».

«Записи, сделанные под этими двумя нами, не только принесли Армстронгу дународную славу, но и более чем либо иная отдельно взятая серия грампластинок способствовали тому, что джаз-музыку стали наконец принимать всезем», — пишет современный американский композитор Гюнтер Шуллер. Со второй половины 20-х годов талант Армстронга вступает в пору полного расцвета.

«Я никогда не забуду потрясения, — вспоминал Сатчмо, — испытанного мной в тот момент, когда я увидел большие сверкающие буквы: «Луи Армстронг, величайший трубач мира». Далеко же я ушел с тех пор, как немногим более десяти лет назад покинул стены сиротского приюта!»

Триумфальными были и первые гастроли трубача в Европе. «Крупные критики допытывались у меня о перспективах развития джаза в Америке... Почему это мой приезд привел в возбуждение столько людей — удивлялся я. Однако довольно скоро я все понял. Все эти люди были коллекционерами пластинок, в Европе их сотни и тысячи. Они слушали мою музыку в записи уже лет восемь и захотели наконец посмотреть на меня во плоти. А ведь для меня каждая запись была не больше, чем ломота хлеба с водой, и мне не приходило в голову, что они значат для людей так много. Европейские музыкальные круги сразу же отнеслись к новой американской музыке куда серьезнее, чем у нас дома, и много о ней писали, в то время как нам она просто нравилась и мы особенно не задумывались над тем, какова она и что собой представляет».

ПРИМЕЧАТЕЛЬНО, ЧТО ПЕРВЫМИ настоящими ценителями джаза оказались европейские композиторы и исполнители классики. Знаменитый швейцарский дирижер Ансерм писал в 1919 году о негритянских джазменах как о «настоящих артистах, обладающих изумительным совершенством, безупречным вкусом и страстью исполнения». Он сразу же увидел в них «остреещее чувство той музыки, которую они любят, и то удовольствие от ее исполнения, которое они с непреоборимой силой сообщают своим слушателям, — удовольствие, все время заставляющее их превосходить самих себя и непрерывно обогащать и оттачивать свои выразительные средства».

Несколько лет позже французский композитор Мийо восхищался богатством импровизационных образов негритянского джаза: «Здесь мы соприкасаемся с самими первоистоками музыки, с той глубокой стороной человеческой души, которой она обязана своим происхождением, и эта музыка волнует нас не менее глубоко, чем всеми признанное гениальное художественное произведение».

«Я и сам, — признался Армстронг, — не понимал значения джаза, пока не побывал в Нью-Йорке.

пе аккомпанемента; импровизации, построенные на одной лишь аккордовом последовательности избранной темы.

«Вы не можете сыграть на трубе ничего такого, чего уже не сыграл бы Луи» — это говорит Майлз Дэвис, крупнейший трубач и признанный лидер одного из направлений джаза 70-х годов.

На протяжении последних двадцати лет своей жизни Сатчмо с неослабевающей энергией и темпераментом исполняет и записывает инструментальный джаз, популярные песни, негритянскую духовную музыку, с которой он никогда не порывал теснейшей внутренней связи, и нежно-насмешливые, полные какого-то колдовского очарования дуэты с Эллоу Фитцджеральд, включая совместную интерпретацию оперы Гершвина «Порги и Бесс».

Именно в этот период Армстронг получает всеобщее признание не только как виртуозный трубач, но и как джазовый певец высочайшего класса, открывающий своим необычным, на слух европейца пугающим антиокальным голосом еще неизведанные области ритмической и тембровой выразительности. Он гастролирует по многим странам Европы, включая Венгрию и Чехословакию, посещает Ближний и Дальн

восток, Австралию, Японию, Южную Корею — австро-германским музыкальным жанром.

«Основной принцип сегодняшнего джаза не нов, — писал Армстронг. — Это принцип свободной импровизации, который был сердцем джаза много лет назад, когда он только начинал свой путь... Как случилось, что этот принцип был утерян, когда джаз распространился по всей стране? Я думаю, что импровизация ушла из джаза, когда нотные издательства и граммофонные фирмы, видя, что публика без ума от него, стали записывать на ноты и пластинки все песни, а театральные продюсеры и владельцы танцевальных залов стали платить за эти песни бешеные деньги... Поэтому много хороших джазовых музыкантов и оркестров опустились до уровня коммерческого джаза, и мне стыдно за тех, кто пытается их оправдать...»

Сам Армстронг оставил недосыгаемым образцом и неистощимым генератором художественных идей, вдохновлявших целое поколение исполнителей и композиторов джаза. На его пластинках, записанных «с опережением» на десять-пятнадцать лет, можно обнаружить такие вполне современные приемы, как периодическое задержание главных акцентов мелодии относительно бита; «дубль-тайм», то есть удвоение темпа ведущей партии при неизменном тем-

пеlementa заставляет вступать в бурную реакцию огромные массы дотоле пассивных и нейтральных друг к другу химических веществ, так и отдельные элементы джаза, попадающие в сферу легкой музыки, чрезвычайно активизировали и ускорили процессы ее внутреннего развития.

Распространение джаза, будь то в его чистых или производных формах — таких, например, как «рок» или «биг-бит», — сыграло исключительно важную роль в повышении ритмического чутья и общей отзывчивости массовой аудитории, особенно молодежной. Косвенное влияние джаза в значительной мере способствовало повсеместному возникновению самодеятельной музыкальной практики — этого современного городского фольклора, активно восполняющего отсутствие прежних форм домашнего музикации.

...Свои творческие принципы Сатчмо формулировал предельно четко: «Вокруг нас много зла и несправедливости. Но что толку визирать на них с тоской и холодом в сердце? Холод можно изгнать только жаром, так что я музикую с горячим сердцем и вижу, что могу дарить людям радость и счастье. Мир нуждается в тепле, и я хочу хоть как-то этому способствовать. Счастливые лица моих слушателей во всех странах показывают, что это мне удается».

„ПЕШКА e2, СТАНЬТЕ НА e4!“

...И представьте себе, пешка послушно помчалась на указанную клетку. «Да, да — подтвердил нам по телефону гроссмейстер Юрий Львович Авербах, — я совсем недавно играл в такие шахматы. А до меня играли Карпов, Таль, Суэтин. Так что это никакая не сказка». Где же находится это шахматное королевство? В ГДР, и называется оно Штрёбен. Вот к нему бы позавидовали невезучие васюнинцы, познакомившиеся всего с одним гроссмейстером, да и то оказавшимся самозванцем: в деревню, где живет какая-нибудь тысяча человек, проложили тропу многие всемирно известные мастера шахмат. И неудивительно, Штрёбексы самозабвенно влюблены в шахматы. Единственная их столовая именуется «За шахматами», так же назван кооператив, а на центральной площади выложена из камней огромная шахматная доска, по которой и прыгают живые ладьи, пешки и ферзи — местные школьники. Шахматы — самый популярный (разумеется, фанкультативный) предмет в школе. Такова традиция, а ей, как гласит предание, без малого тысяча лет! Если верить средневековым историкам, шахматами штрёбексы «заболели» в 1011 году, когда в местную крепостную башню был заточен некий граф Гунцелин. Чужеземец обучил этой заразительной игре странников, а те распространяли ее дальше.

ВЗМАХНИ... НОГОЙ

Что делать человечку, если ему запретили действовать руками для защиты собственной чести? А именно так обстояло дело в Бразилии до отмены рабства в 1886 году. Закон гласил, что раб не имеет права поднимать руку на своего господина под угрозой смерти. Руку, но не ногу! И вот, когда португалец замахивался на своего работника, тот ловко вскакивал на руки и оборонялся нижними конечностями. Так возникла оригинальная система борьбы, которая называется «капоэйра».

Обитатели бразильских трущоб — фавелл — осваивали приемы капоэйры втайне. Чтобы не привлекать внимания, они делали это под музыку, утверждая, что готовятся к карнавалу. С течением времени капоэйра в самом деле потеряла свой оборонительный смысл. Зато имитация ее приемов прочно вошла в арсенал танцоров традиционного карнавала. Каждый год в марте виртуозы хождения на руках демонстрируют свое искусство во время шествия по улицам бразильских городов. Знатоки утверждают, что наиболее чистый стиль сохранился в городе Салвадор. И то верно—хождение на руках, согласитесь, не самая простая вещь.

НАМ НЕ СТРАШЕН ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Французские зонтики продаются везде, в том числе и в Шербуре, как мы узнали из одной музыкальной истории, показанной на экранах. А вот производят их в маленьком городке Орийак, что в 600 километров к югу от Парижа. Почему именно там? Конечно уж, не потому, что в этом районе постоянно идут дожди. Напротив, небо над Орийаком беззабочно десять месяцев в году. Город стал крупнейшим зонтичным центром благодаря стараниям владельца фабрики Марселя Сованья. Судите сами — продукция из Орийака отправляется в 30 стран. Мы заговорили об этом потому, что недавно г-н Сованья подписал контракт, в силу которого орийакские модели будут производиться и в Советском Союзе. О гамме зонтиков из Орийака дает представление публикуемая нами фотография.

ПРАВО НА ТРУД. Ни одно из 26 предприятий, куда обратилась выпускница Кельнского университета, экономист по специальности, не согласилось принять ее на работу. Управляющий кадрами одной из фирм мотивировал свой отказ тем, что он предпочитает встречаться с дамами не в помещении конторы, а в кафе.

Случай этот типичен для положения трудящейся женщины в Западной Германии, где мужчины, узнав, что их начальником должна стать женщина, нередко грозят уходом.

ОПЫТ. Профессиональный бразильский боксер Паоло Кикоте покинул ринг и занялся производством кроватей. Как нет без рекламы профессионального спорта, так нет без нее и бизнеса — это Кикоте знал точно. Вскоре в газетах появились объявления: «Паоло Кикоте — человек, который был нокаутирован 16 раз. Еще большее число раз он вился на ринге после нокауирований. Кто лучше его знает, где и как лежать удобнее всего? Свой богатейший опыт он вложил в свои кровати — отдохнуть на них исключительно удобно!»

24 ЧАСА ЭКСТАЗА

Был, теперь уже в давнем прошлом, известный рок-н-ролл под названием «Рок круглые сутки».

Название этой песни использовалось в качестве подписи к публикуемому нами снимку английский еженедельник «Уик-энд». Ведь одно из значений слова «рок» — «скала», «холм». И именно 24 часа кряду каждое последнее воскресенье июля ползают по скалистому холму Патрика, что на западе Ирландии, энтузиасты-паломники. Ведь святой Патрик считается покровителем Ирландии, так что есть надежда, что он исполнит заветное желание покорителей холма. Правда, в отличие от плясунов паломники головы не теряют: экстаз экстазом, но ботинки лучше поберечь...

АКТЕРЫ И РОЛИ. Леонард Уайтинг, покоривший сердца многих юных зрителей в роли Ромео, неожиданно решил поменять амплуа. Как сообщил английский журнал «Фотоплей», он согласился играть роль ожившего мертвеца в очередной картине из серии «фильмов ужасов» о Франкенштейне.

ЭМАНСИПАЦИЯ. Известная в Новой Зеландии деятельностьница «Движения за освобождение женщин из-под ига мужчин» во время чтения лекции в университете с пафосом заявила своей аудитории, в которой преобладали представительницы прекрасного пола: «Подлинная

ДОРОГА ГАННИБАЛА?

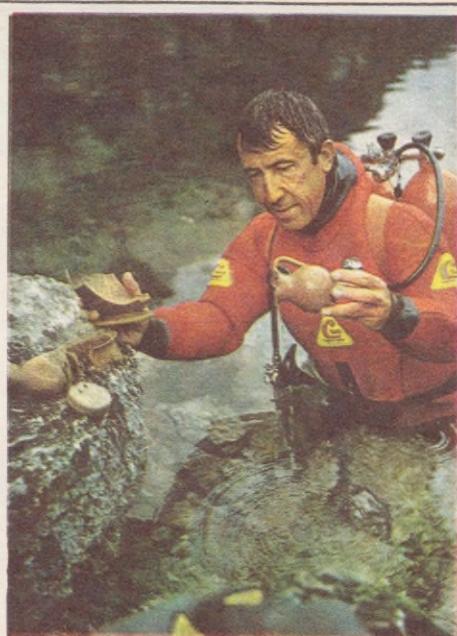
— Карфаген должен быть разрушен! — упрямо твердил Катон в римском сенате и в качестве аргумента демонстрировал финикин. — Как в три дня этот финик доехал из Карфагена в Рим, так тысячи карфагенян доберутся сюда за такой же срок.

Они и в самом деле добрались, но не морем, а через Альпы. То был знаменитый поход Ганнибала.

В 218 году до н.э. Ганнибал с 26 тысячами воинов и 37 слонами пересек Альпы и дал первое сражение римским легионерам. Его противник Корнелий Сципион был вынужден отступить за реку Тичинио, поручив арьергарду разобрать понтонный мост. Ганнибал, однако, сумел захватить в плен оставленных «саперов».

В конце прошлого года группе из семи молодых подводников удалось обнаружить на 15-метровой глубине под слоем воды ила остатки столбов, к которым, вероятно, крепились плоты и лодки знаменитого моста, а также наконечники стрелы, браслет, осколки ваз, предметы утвари, металлические обломки (возможно, остатки мечей и щитов)...

Если специалисты подтвердят предполагаемый возраст находок, то маршрут легендарного Ганнибала, о котором все еще спорят историки, можно будет смело наносить на карты.

СМЕЛЫЕ ПОИСКИ ХУДОЖНИКА УЛЬРИХСА

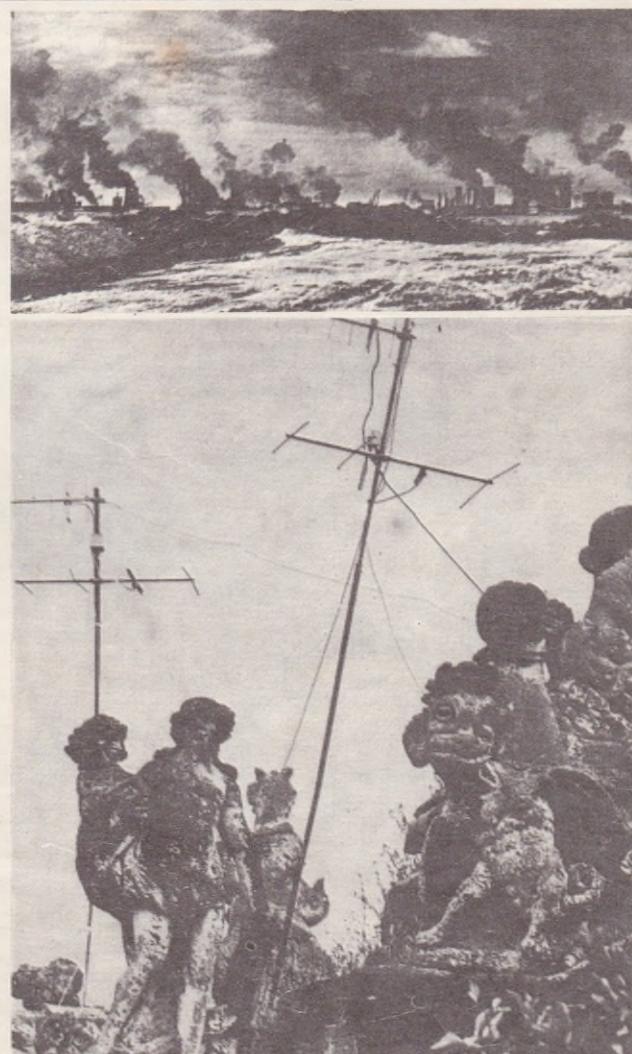
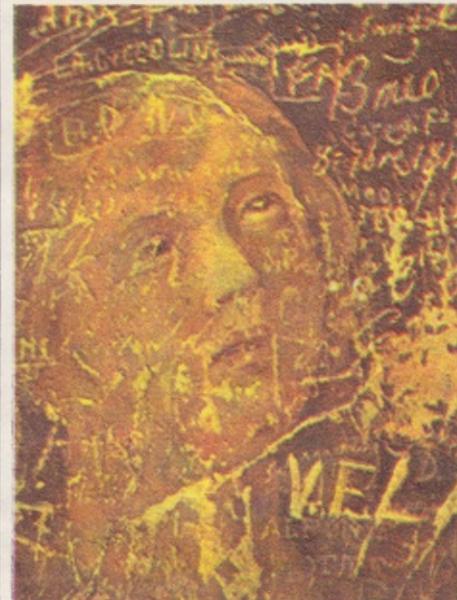
Легко ли в наше время пролистать оригинал? Проблема для кого угодно, только не для 33-летнего жителя Ганновера (ФРГ) Тимма Ульрихса. Еще шесть лет назад он запатентовал самого себя как «первое в истории живое произведение искусства». Официальная справка на сей счет у него имеется. То, что Тимм не стоит на месте, доказывает недавно устроенная городская выставка. Экспонат Ульрихса — «Сундучок краденых предметов», который вы видите на снимке. Его содержимое — кульки конфет, флаконы зубного эликсира, рулончики клейкой ленты и прочее. Ульрихс оценивает шедевр в 500 марок. Дороговато? «Это из-за наценки на риск, которому я подвергался, воруя вещи с прилавков универмагов», — поясняет Тимм.

КОНКУРС ТРЕВОГИ

Миланский журнал «Эпока» провел фотоконкурс читателей. Тема — «вольная. Снимай, что хочешь».

Результаты конкурса получились разительные: фотографии, с чисто художественной точки зрения никакой ценности не представлявшие, оказались самыми впечатляющими. Объяснение простое: любители снимали не то, что хотели, а чего не могли не снимать — гибель природы, тревогу за человека. Казалось бы, далекие от «людей с улицы» проблемы среды на самом деле заставляют их не меньше, чем проблемы личные.

Подписи к снимкам говорят сами за себя. Эти три, например, названы: «Это наша Италия», «Муки», «Небо умирает».

УРОКИ ДЛЯ НЕВЕСТ

Н. ДУТКИН

Спросите любую японскую девушку, к чему она больше всего стремится в жизни, и в ответ вы услышите — к замужеству и семейному благополучию. Все, что происходит с ней между окончанием школы и свадебной церемонией, по ее мнению, лишь подготовка к выходу на сцену рука об руку с Главным Героем. Впрочем, юные японки в этом ничем не отличаются от других представительниц прекрасной половины человечества, мечтающих найти своего принца. Необычно у японок другое — способы и приемы, которыми они покоряют сердца своих будущих мужей. И в этом, пожалуй, эфемерные создания Японских островов проявляют поистине «деловую» сметку.

Где бы вы ни встретили японскую девушку — на ферме, в конторе, на заводе или дома, — на вопрос: «Что вы делаете в свободное время?» — она решительно ответит: «Беру уроки! И по нескольким предметам!» Зачем? Неужели все они в классе были двоечницами, если нуждаются теперь в дополнительных занятиях? Нет. Цель все та же — повысить свои шансы на замужество.

Волшебные уроки, на которые миллионы японских девушек жертвуют свое свободное время и сэкономленные деньги, называются «окэйко». В буквальном переводе это просто «уроки», но для японской невесты (покамест потенциальной) окэйко равнозначно удачному старту для бегуна-спринтера. Девушка, мечтающая удачно прийти к брачному финишу, как минимум, берет уроки в искусстве составления букетов (икэбана), чайной церемонии и кулинарии. Это лишь самое необходимое.

Далее список включает шитье, игру на фортепиано, рукоделие, традиционные японские танцы и такие, казалось бы, давно отошедшие в прошлое занятия, как каллиграфия и игра на ко-

то — старинном японском струнном инструменте... О нет, не думайте, это еще далеко не полный перечень. Современная женщина, чтобы быть на уровне, по общему японскому мнению, должна еще водить машину, бегло говорить по-английски, немного играть на укулеле и уметь взбивать коктейли. На гарнir не плохо также знать приемы дзю-до и карате, так как жизнь в большом городе ныне очень беспокойна и по улицам гуляют не одни галантные джентльмены. Все эти навыки должны дать дополнительные очки в перечне достоинств невесты.

История окэйко ведет свое начало из глубокой древности, когда жены придворной знати и высокопоставленных самураев должны были уметь всячески ублаждать семейную жизнь супруга-повелителя.

А сейчас? Статистика говорит, что почти 99 процентов японских девушек берут уроки хотя бы по самым необходимым предметам. Правда, та же статистика уточняет, что полный цикл окэйко посещают девушки из средних и высших слоев общества. Естественно, в гонке за мужем немалое значение имеют материальные возможности папы. Более состоятельные семьи могут позволить себе и круг предметов пошире и более квалифицированных преподавателей. У тех же, кто не располагает достаточными средствами, занятия поглощают треть зарплаты. Но, чего не сделаешь для счастья...

Впрочем, неизвестно еще, что легче — когда учение занимает все время, которое есть, и даже то, которого нет, или если подготовка ограничена двумя-тремя предметами.

Вот, к примеру, Рэйко — одна из миллионов японских девушек. Ей 22 года, и она берет уроки по пяти предметам. Это тот минимум, которого старайтся придерживаться все ее подруги,

чтобы не отстать. Рэйко закончила 9-летний курс общеобразовательной школы. Кото она начала осваивать, еще будучи ребенком, и сейчас имеет диплом преподавателя игры на этом трудном инструменте. Целый год Рэйко корпела над старинной японской каллиграфией и весьма преуспела в ней. Кроме того, у нее в активе диплом преподавателя 4-го разряда в искусстве икэбана и чайной церемонии. Эти дипломы очень важны, так как дают право преподавать своим более юным конкуренткам и оплачивать дальнейшие этапы трудной профессии невесты. Рэйко помогает семье в магазине каждый день. Кроме того, ее недельное расписание выглядит следующим образом:

	Утро	Вечер
Понедельник	Икэбана	Японские танцы
Вторник	Чайная церемония	Свободное время
Среда	Кото	Кото
Четверг	Японские танцы	Кулинария
Пятница	Икэбана	Чайная церемония
Суббота	Кото	Икэбана
Воскресенье	Свободное время	Свободное время

Плюс к этому Рэйко еще старается не пропускать показательные чайные церемонии, выставки икэбана и вечера японского танца. Так что приходится только удивляться, как она успевает еще сходить в кино и повидаться с подружками. Что же касается свиданий, то для них физически нет места...

За эти уроки Рэйко платит в месяц 11 тысяч иен, вернее, платят ее родители. За диплом преподавателя игры на кото они уже заплатили 20 тысяч, а за диплом мастера чайной церемонии и икэбана — по 40 тысяч.

Познакомимся еще с одной представительницей прекрасного пола — Масако, студенткой университета. Ей 21 год. Масако уже в достаточной степени (по мнению родителей) овладела навыками живописи, вязания и рукоделия и сейчас продолжает брать уроки по другим

ем, кулинарией и чайной церемонией. На большее у нее не хватает ни времени, ни средств. Работая телефонисткой, она зарабатывает 20 тысяч иен в месяц. Из них 5 тысяч отдает матери, пять с половиной тысячи тратит на окэйко и старается сэкономить что-нибудь для будущего семейного очага, когда, кроме навыков окэйко, понадобится еще кое-что...

Мы уже говорили, что Рэйко и Масако, которые занимаются с частными преподавателями, уроки оплачивают родители. Но этого не могут себе позволить миллионы работающих девушек, таких, как Эрико. Ведь, кроме занятий, больших денег стоит и получение диплома. Между тем диплом — весьма впечатительный козырь в руках молодой девушки, желающей доказать будущей свекрови, что она достойна быть женой ее сына.

Поэтому таким, как Эрико, приходится прибегать к услугам «школ окэйко»; с каждым годом их становится все больше в Японии. В прежние времена преподаватели должны были приходить на дом к ученику, и это было в основном привилегией аристократов.

Пионером в деле реформации системы окэйко была школа Санкэй гакуэн, открывшаяся в Токио в 1958 году. Сейчас у этой школы 8 отделений в Токио и соседних городах с общим числом слушателей более 30 тысяч. Но она не может удовлетворить всех желающих квалифицированно подготовиться к замужеству, поэтому девушкам приходится ждать своей очереди на зачисление. Санкэй гакуэн предлагает около 100 различных предметов — от искусства икэбаны и древней японской поэзии до вождения машины и верховой езды. Здания этой школы расположены в деловых районах города, где в конторах работает большое количество девушек. Занятия проводятся в три смены. В утренние часы преобладают замужние женщины, продолжающие занятия, чтобы не выйти из формы, либо чтобы получить диплом. В середине дня — в основном студентки. Наибольший наплыв бывает вечером, когда девушки, работающие в барах и кабаре главной улицы японской столицы — Гинза, — приходят на занятия перед тем, как приступить к своим обязанностям. К ним присоединяются и девушки-служащие, окончившие работу.

Японские фирмы последнее время остро ощущают нехватку молодых служащих. Концерн «Сони», например, считает, что наибольший выход продукции на сборке транзисторов дают девушки до 24 лет. Поэтому они создают на заводах свои собственные кружки окэйко и этим стараются привлечь молодых девушек. Многие крупные фирмы отводят даже особые помещения для чайной церемонии и занятий икэбаны. Они даже вносят часть платы за получение

диплома. Ведь, кроме всего прочего, это отвлекает девушек от участия в молодежном и профсоюзном движении.

И вот наконец настает тот день, подготовка к которому была посвящена вся жизнь девушки, — день ее бракосочетания. Однако, прежде чем она ошеломит своим запасом знаний молодого мужа, невесте предстоит еще выиграть более важное сражение — завоевать расположение свекрови. Семье жениха посыпается просторный перечень всех достоинств невесты, в котором на первом месте стоят успехи, которых она добилась на занятиях окэйко.

Не будет преувеличением сказать, что в Японии все девушки, начиная с принцессы и кончая служанкой или работницей фабрики, берут уроки хотя бы по одному предмету. Но ради чего они тратят все свое свободное время и сэкономленные с таким трудом деньги на эти занятия? Какое это имеет реальное значение? Всегда ли, выйдя замуж, сможет она применить свои знания и мастерство?

Возьмем, к примеру, икэбану. Чтобы иметь собственный дом в японском стиле, где есть специально отведенное для икэбаны место, нужны немалые средства. А их-то, как правило, нет у молодой семьи. Поэтому большинство молодых семей снимает квартиру в многоэтажных «апартаментах». В этих малогабаритных условиях, конечно, хозяйке совершенно нет никакой возможности показать свое мастерство в искусстве составления букетов. Да к тому же живые цветы стоят так дорого, что часто приходится заменять их искусственными. Поэтому икэбана превращается часто в скромный букет, круглый год стоящий на столе или на полу. А о том, чтобы иметь специальную комнату для чайной церемонии, для подавляющего большинства молодых японских семей не может быть и речи — квартирная плата и без того съедает четверть семейного бюджета.

На занятиях окэйко девушка научилась готовить изысканные блюда национальной японской кухни. Но те продукты, с которыми она тренировалась на уроках, стоят очень дорого. Поэтому обычный удел семьи — полуфабрикаты из соседнего универмага. Как видите, жизнь вносит свои поправки в диплом.

В последние годы подход к выбору своего спутника несколько изменился. 74 процента молодых пар ответили, что они женились или вышли замуж по любви, и при этом не имело значения, умеет ли молодая жена играть на кото или писать кисточкой. (Кстати, впервые в Японии брак по любви превысил 70 процентов.) Однако традиции остаются, и, по-видимому, нынешние молодые девушки в будущем, как их матери сегодня, будут настаивать, чтобы и их дочери посвятили себя окэйко. Все-таки лишний шанс...

предметам. Расписание ее занятий еще более насыщено, чем у Рэйко. У той — два свободных вечера, а у Масако — один.

	Утро	Вечер
Понедельник	Английский язык	Каллиграфия
Вторник	Каллиграфия	Кулинария
Среда	Фортепиано	Каллиграфия
Четверг	Каллиграфия	Икебана
Пятница	Каллиграфия	Каллиграфия
Суббота	Балет	Чайная церемония
Воскресенье	Свободное время	Свободное время

Поскольку уроки окэйко часто совпадают с часами занятий в университете, Масако предпочитает иногда избегать последних. В этом она находит полную поддержку у своей матери, которая считает, что уроки окэйко куда важнее математики. Девушка после занятий балетом в субботу утром тратит несколько часов на поездку в другой конец города, чтобы успеть к чайной церемонии. Ежемесячный счет в 14 тысяч иен за окэйко и в 150 тысяч в год за университет оплачивают ее родители.

Но это не совсем типичный пример. Представим читателям другую студентку — Эрико. Ей 24 года. Мать Эрико рано овдовела; чтобы помочь семье, Эрико каждый вечер с 4 до 10 работает телефонисткой на станции. На окэйко ей приходится урывать время между лекциями и работой. Эрико может позволить себе заниматься лишь шить-

Главный редактор А. А. НОДИЯ.

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, И. С. ЗЕНУШКИНА, В. П. МОШНЯГА, Б. К. ПУГО, Б. А. СЕНЬКИН, С. А. ЧИБИРЯЕВ.

Худож. редактор О. С. Александрова
Оформление В. Д. Грызлова
Техн. редактор В. Н. Савельева

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5.
Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.

Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.
Сдано в набор 16/I 1974 г. Подп. к печ. 18/II 1974 г. А07634.
Формат 60×90 1/8. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 500 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 2745.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030,
Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Мы

ВМЕСТЕ,

ЧИЛИ!

«Солидарность с нами — хлеб и вода, в которых нуждается моя родина».

Эти слова Пабло Неруда писал, обращаясь к участникам X Всемирного фестиваля молодежи и студентов, в те дни, когда реакция еще только готовила переворот, когда ее оружием были не танки и массовый террор, а убийства из-за угла и экономическая блокада. С тех дней фестиваля солидарность с Чили объединила молодежь всех континентов.

18 ноября 1973 года. Турин, пьяцца Сан-Карло. Здесь, в «третьей столице» Италии, на площади, которую сами горожане называют «гостиной Турин», собрались 150 тысяч посланцев молодежи 26 стран Европы. Их соединили единая боль и единый гнев — Чили!

«Ваша солидарность, — говорили с трибуны Сан-Карло те, кому удалось вырваться из фашистских застенков Чили, — помогает нам переносить горе и вести борьбу. Ваша солидарность уже помешала фашистским генералам убить на месте Луиса Корвалана. Мы просим вас делать еще больше. Надо добиться свободы для Луиса Корвалана, для всех патриотов, заточенных хунтой в тюрьмы».

Практическим действиям, конкретной помощи патриотам Чили была посвящена состоявшаяся накануне манифестации Международная конференция солидарности европейской молодежи с борьбой народа и молодежи Чили. Выступая на ней от имени советской молодежи, первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников сказал:

«Перед нами сейчас стоит конкретная, огромной важности задача — добиться, чтобы каждый юноша и каждая девушка планеты внесли свой вклад в мощное движение солидарности с трудовым народом, с борющейся молодежью Чили».

Конференция обратилась к юношам и девушкам Европы с призывом еще шире развернуть в своих странах кампанию солидарности с Чили — усилить поддержку чилийских сверстников; требовать от фашистской хунты освобождения молодежных лидеров, жизнь которых находится под угрозой, освобождения всех патриотов, томящихся в концлагерях на островах Досон, Кирикина, Хуан-Фернандес; настаивать, чтобы правительства европейских стран не оказывали чилийской хунте никакого содействия; препятствовать визитам в Европу эмиссаров хунты. Участники конференции решили донести голос европейской молодежи в защиту чилийских патриотов до ООН и других международных организаций. На пьяцца Сан-Карло звучали песни борьбы и протesta, привезенные чилийскими друзьями. Песня — тоже оружие солидарности. В ответ на многочисленные пожелания делегатов на конференции было решено организовать в 1974 году международный фестиваль политической песни, посвященный памяти Виктора Хары, чилийского народного поэта и певца, замученного фашистами.

...Нет, не остались без ответа слова призыва Гладис Марин, генерального секретаря ЦК Коммунистической молодежи Чили, к молодежи мира, призыва, которой был зачитан на Всемирном конгрессе миролюбивых сил:

«Люди доброй воли, начните поход в защиту полоски земли, маленькой и далекой, народа, достойного и боевого. Борьба моего народа и ваша помощь вновь обратят в реальность самую сокровенную мечту простых и добрых людей моей отчизны: о свободе, независимости, справедливости и равенстве».